

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**КОНЦЕПТ ПОДОТЧЕТНОСТИ
В АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ**

Препринт WP14/2014/06

Серия WP14

Политическая теория
и политический анализ

Москва
2014

УДК 32
ББК 66.0
К65

Редактор серии WP14
«Политическая теория и политический анализ»
М.Ю. Урнов

К65 **Концепт подотчетности в английских и русских политических дискурсах** [Текст] : препринт WP14/2014/06 / М. В. Ильин, И. В. Убоженко, А. Н. Воробьев, Е. А. Иванов, А. А. Порецкова, А. В. Самородова / под общ. ред. И. В. Убоженко ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 64 с. – (Серия WP14 «Политическая теория и политический анализ»). – 150 экз.

И индивидуальное, и общепринятое восприятие концепта подотчетности, включая его представление и интерпретацию в двуязычном академическом корпусе, влияет на процесс «конструирования» и актуализации современной политической реальности.

Проведенный анализ позволил выявить, что существуют устойчивые ассоциативные связи между крайне важным, но все еще не вполне очерченным смысловым значением термина «подотчетность» и такими ядерными семантическими полями, как «требовать отчета за действия», «ответственность», «обязательство» и т.д. Тезаурус концепта «подотчетность» также включает в себя сопутствующие ассоциативные конструкты, а именно: «тот, кто подотчетен, или лицо подотчетное», «тот, кому подотчетен, или лицо контролирующее». Они же, в свою очередь, объединяют в себе государственных служащих, государственный аппарат, управляющих, организации-доноры и целый ряд других заинтересованных сторон, каждая из которых может быть исследована как самостоятельный концепт. Значительный исследовательский интерес представляют собой такие ассоциативные производные понятия подотчетности, как «среда подотчетности» и понятие «наказания» за неверные действия, «публичного порицания за промахи и ошибки».

Данное исследование является междисциплинарным и реализовано на примере дискурсивного анализа современной политической терминологии, параллельно затрагивая и иную эквивалентную лексику в рамках широкого политического контекста.

Ключевые слова: дискурс-анализ, подотчетность, политический дискурс, политическая лингвистика, перевод.

УДК 32
ББК 66.0

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Ильин М. В., 2014
© Убоженко И. В., 2014
© Воробьев А. Н., 2014
© Иванов Е. А., 2014
© Порецкова А. А., 2014
© Самородова А. В., 2014
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2014

Введение¹

Особенности политических действий, а также институтов и процессов в значительной степени зависят от того, как они воспринимаются и понимаются людьми. Человеческая субъективность, установки и предрассудки людей, привычные образы мысли и их выражения оказывают постоянное и зачастую не осознаваемое нами воздействие на наше поведение, накладывают ограничения на то, как мы используем институты и вписываемся в политические процессы. Соответствующие когнитивные структуры нашего сознания и подсознания находят двойное выражение. Они проявляются как в наших политических действиях, так и в символических, языковых формах, которыми мы при этом пользуемся.

Опосредованная когнитивными структурами связь между политическими действиями и вербальными способами их представления и объяснения привлекает все большее внимание исследователей. Сходные вопросы ставят представители когнитивистики, политологии, лингвистики и других наук. Все чаще возникают совместные проекты по изучению политических дискурсов, а также ключевых понятий этих дискурсов. Одним из таких проектов стала деятельность НУГ «Когнитивный анализ научного дискурса отечественной и мировой политической науки», поддержанная Программой Научного фонда НИУ ВШЭ «Учитель – Ученики».

Особенностью данного проекта является тесная связь между исследованиями и образовательным процессом. Как стать по-настоящему профессиональным исследователем политики? Нужно знать факты и обстоятельства. Бесспорно. Нужно уметь пользоваться различным аналитическим инструментарием вплоть до SPSS. И это верно. Однако это будет лишь половиной дела. Все это наше исследовательское могущество может оказаться иллюзорным, если мы адекватно не овладеем своим главным человеческим достоянием – умом, познавательными или когнитивными способностями. Эти наши способности не даны нам в неизменном

¹ Данное научное исследование (№ 13-05-0046, проект «Сравнительный анализ понятийного аппарата англоязычной и русскоязычной политологии») выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013 г.

виде от природы, хотя природные задатки и ограничения важны. Эти возможности доступны нам через общее социальное и культурное достояние и, прежде всего, через язык. Именно в языке отложились навыки мышления, которые нам приходится ежечасно и ежеминутно использовать и для сбора информации об интересующих нас политических проблемах, и для ее обработки. Но эти привычки, закрепившиеся в языке, могут не только помогать нам, но порой и мешать. Вот лишь один пример. Англоязычные политологи с недавних пор пользуются двумя словами *statehood* и *stateness*, когда у нас остается только одно – *государственность*. Им гораздо легче, чем нам, различить статусность государств, вытекающую из внешнего и внутреннего признания, и способность использовать эту статусность для обеспечения своих функций, например, производства и распределения общественных благ. Зато наш язык подсказывает разницу между *сувереном*, его *суверенностью* и общими для всех государств свойствами *суверенитета*, тогда как для англичан одно слово *sovereignty* должно уловить эти различия.

Язык, культура и политическая традиция накладывают на наше мышление и на наши действия свои ограничения. Но эти ограничения являются также и возможностями, если ими правильно воспользоваться. Один из главных резервов заключается в том, чтобы путем использования различных возможностей и ограничений терминологических систем разных языков и научных парадигм преумножить возможности и обойти ограничения. Подобные навыки необходимо вырабатывать уже на студенческой скамье. Именно этим задачам была подчинена деятельность НУТ «Когнитивный анализ научного дискурса отечественной и мировой политической науки». Настоящий препринт представляет промежуточные результаты предпринятого в рамках исследования анализа ключевых в содержательном отношении ядер понятийного аппарата политической науки на английском и русском языках, а именно терминов и понятий, связанных со следующими предметными областями политики: государство (*state*), управление и управляемость (*government* и *governance*), подотчетность (*accountability*). На материале двуязычных текстов (оригиналов и их переводов), с которыми на практике работали участники группы, предполагалось осуществить (1) первичное лексикографическое описание терминологии, касающейся указанных предметных областей, (2) политологический анализ их понятийной системы, а также (3) сравнительный анализ результатов двух этих первых этапов. Это, в свою очередь, позволит (4) создать систематические и параллельные глоссарии

на двух языках, а затем (5) разработать интегрированные двуязычные тезаурусы для рассматриваемых предметных областей.

Проект позволил его участникам улучшить навыки владения английским и русским языками, углубить знания политической терминологии на двух языках, совершенствовать навыки языкового анализа путем сравнения того, как в двух языках (английском и русском) функционируют лингвистические единицы, требующие адекватной интерпретации и (пере)определения в зависимости от их контекстуальной актуализации.

Анализ дискурсов позволяет выявить ассоциативные сети связей в рамках структурированных понятийных систем, которые в дальнейшем становятся базовыми элементами специального терминологического тезауруса (как лексикографического, так и когнитивного) будущего политолога.

Одним из главных результатов работы над проектом стало преодоление дисциплинарных и методологических размежеваний между лингвистами и политологами. Высокая степень взаимного интереса и желания сотрудничать, характерная для начала работы, в ходе совместной работы оказалась дополнена выработкой общих теоретико-методологических установок, созданием новых совместных методик анализа лексического / понятийного материала.

Активное участие в проекте позволило успешным его представителям заявить свои доклады на специальную панель «Governance and Accountability: Comparative Cognitive Analysis of English and Russian Political Terms», включенную в программу 23-го Всемирного политологического конгресса, который состоялся в июле 2014 г. в Монреале (Канада). Доклады и дискуссия вызвали живой интерес участников конгресса.

Выбор понятий «подотчетность» (accountability), «управляемость» (governance) и сопряженных с ними идей объясняется тем фактом, что их все более активное использование связано с обновлением важных разделов мировой политической науки в последние десятилетия. В первую очередь это связано с углублением трактовки демократии и разделения властей. Начало этому процессу положила статья Филиппа Шмиттера и Терри Линн Карл «Чем демократия является ... и не является» [Schmitter, Karl, 1991]. Они оттолкнулись от классического минималистского определения демократии Шумпетера и дополнили его такой важной характеристикой, как подотчетность. Открытие подотчетности как ключевого условия и признака демократии произошло чуть больше двух десятилетий назад. С тех пор параметр подотчетности – вертикальной и горизон-

тальной – постепенно становится третьим, а, может быть, и первым содержательным параметром демократии наряду с инклюзивностью корпуса граждан и соревновательностью политических курсов.

В ходе реализации проекта были получены весьма заметные результаты. Так, получила подтверждение гипотеза о том, что избранные понятия (государство, управление, управляемость и подотчетность) образуют единый понятийный комплекс. Были выявлены основные конфигурации и структуры этого комплекса, в частности, наличие своего рода ядра и периферий, а также ряда смысловых осей. Так, более широкий в смысловом отношении набор концептов, объединенных в общую группу политических порядков, образует своего рода оболочку и одновременно внутреннюю среду для ядра, характеризуемого как государства разных типов и концептных характеристик. При этом управляемость, подотчетность, а также открытость и закрытость государств, политических порядков, а также их отдельных институтов образуют своего рода смысловые оси, пронизывающие как ядро, так и периферию изучаемого понятийного комплекса.

Значительная работа была проделана по исходному описанию изучаемых понятий. Эти описания представляют собой лексикографические карточки, отражающие отдельные примеры словоупотребления английских и русских политических терминов, входящих в базовый перечень. Эта работа в основном была завершена, однако все еще требуется двойная – лингвистическая и политологическая – интерпретация полученных баз данных.

Новизну проекта составило соединение приемов и способов с понятийным аппаратом двух существенно различающихся наук – лингвистики и политологии. При этом упор был сделан не столько на механическое и эклектическое смешение отдельных приемов и методик анализа, сколько на выявление в проблематике лингвистических и политических исследований общих теоретико-методологических оснований, которые дает неспецифическая или, по выражению Чарльза Морриса, «чистая» семиотика. Подобная теоретико-методологическая позиция ясно выделяет проект не только из немногочисленных отечественных попыток изучения понятийного аппарата политики, но и из мировой концептологии.

Участниками проекта были опробованы новые методики анализа, в частности, анализ использования когнитивных схем при концептуализации выделенных для изучения базовых понятий. Осуществлялся учет горизонтального и вертикального контекстов использования соответствующ-

шего понятийного аппарата, что также выделяло проводимое в рамках НУГ исследование из числа подобных научных проектов.

Новизна проекта заключалась также в решении некоторых образовательно-педагогических задач. Так, в ходе реализации проекта молодые исследователи осуществляли экспериментальный перевод актуальных научных текстов и критическую деконструкцию их понятийного аппарата. При этом собственно когнитивный анализ дополнялся изучением основ семиотики и анализа дискурсов, теории перевода и соответствующей переводческой практикой, что позволило существенно повысить степень профессионального овладения ими английским языком, а также усовершенствоваться в использовании родного русского языка.

Теоретико-методологические подходы к анализу политических дискурсов

Слово *дискурс* получило в последнее время широкое хождение в университетской, академической среде. Оно нередко встречается в научных и научно-просветительских текстах, порой даже в публицистических сочинениях. Само слово *дискурс* (*discursus*) появилось в латыни. Оно образовано из приставки *dis-*, означающей «разделение, разъединение», и корня *cur-*, имеющего смысл «быстрое движение», как в глаголе *curro, currere* – «бегать, бежать». Того же корня, кстати, и слово *курс* (*cursus*). Таким образом, слово *discursus* буквально имеет смысл «раз-бегание». Характерно, что в латыни ударение приходилось на корневой слог, а приставка оставалась безударной. Точно так же в новоевропейских языках ударение сохраняется на корневом слове: *discourse* – англ., *Diskurs* – нем., *discours* – фр., что предполагает сохранение внутренней формы слова. В русском языке большее распространение получило ударение на первый слог, что косвенно свидетельствует об утрате внутренней формы слова. Вместе с тем используется и ударение на второй слог, что является не просто свидетельством «учености» (мы говорим не *дискурс*, а *дискурс*), но также сохранения внутренней формы слова. Данное обстоятельство позволяет рекомендовать использование ударения на втором слоге в слове *дискурс*.

Уже в латыни слово *discursus* получило очень большое количество разнообразных значений: бег, набег, военный маневр, движение, круго-

ворот, беготня, суета, разветвление, разговор, беседа. В средневековой латыни появились значения «объяснение, довод, аргумент» и, наконец, «логически стройное рассуждение». В новых европейских языках данным словом стали называть ученые рассуждения, а затем и особый жанр сочинений – систематическое изложение заранее заданной темы. Еще более абстрактное слово *дискурсивность* и соответствующее прилагательное *дискурсивный* в языке философов и логиков стало означать качества не только логической упорядоченности, но также формальной опосредованности в отличие от неформальной непосредственности, которая обозначалась контрпонятием *интуитивность*.

В прошлом веке происходит постепенное возвращение слова *дискурс* в новоевропейские языки для обозначения содержательной стороны человеческого общения. Семиотический, а затем и лингвистический «повороты» в науке XX в. способствовали как возрастанию интереса к смысловой стороне действительности. В результате выражаемые этим словом понятия приобретают весьма разнообразные, зачастую далекие друг от друга трактовки. Значения, которые придаются при этом данному слову, зачастую весьма расплывчаты и противоречат друг другу. Едва ли не всякий обществовед, гуманитарий или философ считает вполне достаточными для анализа смысла тех или иных явлений действительности усвоенные им методы и стандарты исследования. Многим кажется, что имеющиеся у них навыки нужно всего лишь дополнить использованием слов типа *дискурс*, *интенциональность* и т.п., а также симуляцией экзотических процедур интерпретации смыслов – по большей части философских, богословских и мистических.

До сих пор попытки выделить особую научную область изучения смысловой организации человеческой деятельности упираются в стойкие дисциплинарные предрассудки и установки предпринимателей эти усилия специалистов. Зачастую происходит формальное заимствование понятия и его некритическое использование в новой предметной области, что ведет к так называемому «растяжению понятия» (*conceptual stretching*)² вплоть до его «разрывания» на различные понятия. На практике это означает, что разные дисциплины, научные направления, школы, а то и отдельные исследователи создают свое особенное понятие, но обозначают его общим словом *дискурс*. Подобное положение не только

² Sartori J. Concept Misformation in Comparative Politics // American Political Science Review. 1970. No. 4; Сартори Дж. Искажение понятий в сравнительной политологии // Полис. 2003. № 3–5.

препятствует взаимопониманию и взаимодействию различных научных направлений и школ, но затемняет понимание тех феноменов, которые те или иные исследователи именуют дискурсом. Чтобы разобраться в сложившейся ситуации, обратимся к феномену дискурса в его самом широком понимании, к смысловой организации человеческой деятельности.

С появлением на Земле человека отдельные родовые «человечества» стали изменять биосферу планеты. По мере того как их деятельность становилась отдельным фактором воздействия на окружающую людей среду, возникло различие *реальности* и *действительности*³. Различение вечно мира природы, данного людям «в ощущении» и тем самым «объективного» и создаваемого людьми человеческого мира, возникающего первоначально в «мечтаниях» и тем самым «субъективного», является фундаментальной пресуппозицией современного научного знания. Оно лежит в основе информационно-энергетической онтологии человеческого мира, представленной, например, Т. Парсонсом в виде модели «социальной системы»⁴. Данным словосочетанием выдающийся американский социолог фактически обозначает целостный человеческий мир. Его Парсонс ограничивает двумя запредельностями: первая – физико-органическая среда (*physical-organic environment*), вторая – так называемая «Конечная Реальность» («*Ultimate Reality*»), чисто ноуменальная по своему характеру. Социальную систему пронизывают два структурообразующих и взаимодополняющих «кибернетических» параметра: энергетическое нарастание контролирующих факторов (*hierarchy of controlling factors*) в сторону физико-органической среды и информационное нарастание обуславливающих факторов (*hierarchy of conditioning factors*) в сторону «Конечной Реальности»⁵.

Двойственная онтология *реальности* и *действительности* имеет не только философское и научное выражение – она лежит в самой основе обыденного языка, а значит, и фундаментальных, спонтанно действующих начал мысли. Обыденный язык, точнее, многие новоевропейские языки, отличают вещную *реальность* (от лат. *res* – «вещь») и, соответ-

³ О различении реальности и действительности см.: Ильин М.В. Между словами и смыслами: Основания концепт-анализа // Принципы и направления политических исследований. М., 2002.; Ильин М.В. Феномен политического времени // Полис. 2005. № 3.

⁴ Parsons T. *Societies. Evolutionary and Comparative Perspective*. Englewood Cliffs, 1966.

⁵ Там же. С. 28.

ственно, *reality, réalité, die Realität*, etc. от энергичной *действительности* – *actuality, actualité*, etc. (от лат. *actio* – «действие»), *die Wirklichkeit* (от *wirken* – «действовать»)⁶.

Действительность, как уже отмечалось, рождается в «мечтаниях». Она создается людьми и потому «субъективна». Однако она также «интерсубъективна», образована соединением людских мечтаний, намерений и действий, а оттого не менее «объективна», чем самые прочные природные образования. Созданный поэтом памятник вполне может оказаться прочнее пирамид и горных кряжей. Так вот эта действительность предстает перед нами в виде отдельных целостных образований. Это и события истории, и пушкинская «энциклопедия русской жизни», и весело проведенный праздник, и жаркие предвыборные дебаты, и судебные слушания, и политическая манифестация. Все эти явления при их очевидной разнородности объединяются тем, что они представляют собой некие «фрагменты» действительности, которые обладают целостностью, благодаря своей смысловой или семиотической организации. Именно это общее свойство делает их дискурсами. Таким образом, дискурс в самом широком его понимании можно определить как *целостный эпизод действительности, который объединен своим собственным содержанием, своей семиотической организацией и значим для вовлеченных в этот эпизод людей*.

Данное определение может показаться слишком «лингвистическим». Действительно, в становлении и развитии семиотики очень значительную роль сыграли лингвисты и логики, поэтому возникает впечатление, что семиотика – это некая лингвистическая дисциплина. Это совершенно не так. Семиотика вполне самостоятельная наука о знаках, своего рода математика действительности, королева гуманитарных и общественных наук. Ее отраслями или, точнее, специфическими приложениями являются логика и лингвистика. Это наука, которой по силам систематически изучать действительность и ее целостные фрагменты, имеющие свой смысл. И в этом смысле сфере семиотики принадлежат любые фрагменты действительности, будь то политический митинг, биржевая паника, процесс переселения некоего племени. Все, что обладает для людей смыс-

⁶ Ср. также англ. *actual facts* – «подлинные, действительные факты». Последнее выражение избыточно, «тавтологично», его дословный смысл – «действительные дела», поскольку само слово *факт* происходит от латинского *factum*, субстантивированного причастия от глагола *facere* – «делать», «творить».

лом, все, что имеет начало и конец в потоке человеческого существования, – все это может и должно анализироваться средствами семиотики.

Семиотика изучает знаковую сторону действительности. При этом различаются два плана. Это *синхрония*, или знаковые системы в их редукции к некому условному, «остановленному» времени, т.е. рассматриваемые фактически вне действительного⁷ времени. Это также *диахрония*, или рассмотрение знаковых систем не просто в действительном времени, но как систем, развертывающихся в этом времени. Данное семиотическое различие хорошо конкретизируется на лингвистическом материале как фундаментальная оппозиция *языка и речи*. Эта оппозиция была разработана великим швейцарским лингвистом Фердинандом де Соссюром. Если несколько упростить его концепцию, то можно свести ее к тому, что язык во всей своей целостности, или *langage*, имеет две стороны: *parole* – речь, события общения, как они происходят во времени, и *langue* – абстрактную систему языка, которую используют общающиеся в любой момент речи. Им было предложено три слова, три особых термина. Что же за ними стоит? Стоит то, что язык – все, что мы понимаем, язык как действительность распадается на какие-то отдельные фрагменты, его можно нарезать. Кто-то что-то произнес, пропел, написал – фрагменты – это речи. Всякое произведение – это есть произведение речи. Но для того чтобы понять, что же это за речь, мы пользуемся некой системой, которая есть у нас в головах. Она интерсубъективна. Эта система, с помощью которой можно закодировать, создать, породить эту речь, а потом ее расшифровать, называется им *langue* – язык. Наши лингвисты переводят *langue* как *язык*, но тут фактически возникает путаница, ибо подразумевается не язык во всей его целостности, а система правил (код и словарь), безразличная к действительному времени.

Характерно, что при уточнении соссюровской концепции бельгийский лингвист Эрик Бюссанс предложил называть дискурсом (*discours*) то, что позволяет соединить язык как систему (*langue*) и речь как деятельность (*parole*), но при этом конкретнее и уже языка в его целостности (*langage*)⁸. Тем самым он выделил особую сферу перевода системы

⁷ Понятие действительного времени противостоит понятию реального времени. Под первым понимается время человеческого существования – повседневного, исторического, эволюционного. Под вторым – время, отмеряемое колебательными циклами вещной природы.

⁸ Buysens E. Les langages et le discours: Essais de linguistique fonctionnelle dans le cadre de la sémiologie. Office de Publicité, 1943.

в деятельность и деятельности – в систему. Именно ее он назвал дискурсом.

Предложенный Бюиссансом подход позволяет различить три типа дискурса: два взаимоисключающих и один интегрирующий. Во-первых, он может пониматься как дискурс-продукт – *аналогичные речи эпизоды человеческой деятельности, развернутые в действительном времени и значимые для вовлеченных в них людей*. Во-вторых, он может определяться как дискурс-программа – *значимая для соответствующих групп людей система правил понимания (интерпретации) подобных эпизодов и/или их создания (порождения)*. В-третьих, его можно непосредственно связать со способностями группы и составляющих ее людей использовать систему правил для создания осмысленных эпизодов действительности, а также придавать эпизодам своей деятельности смысл путем выработки или уточнения правил их понимания. Иными словами, дискурс в третьем смысле – назовем его дискурс-конвертор – отождествляется с творческими усилиями людей по созданию и пониманию своих эпизодов действительности. Этот дискурс внутренний по отношению к вовлеченным в эпизоды действительности людям. Два других противопоставленных друг другу дискурса внешние по отношению к ним. Один предстает как «объективно» наблюдаемая фактура, другой – как абстрактная, отвлеченная от людей система правил.

Предложенная Эриком Бюиссансом трактовка дискурса была успешно развита нашим выдающимся филологом Ю.С. Степановым. Ему принадлежит формула «Между системой и текстом – дискурс»⁹. Эту формулу сам академик Степанов объясняет следующим образом: «Конечно, о дискурсе можно сказать, что это и есть *langage*, однако важнее отделить дискурс от языка в широком, можно сказать, в сосюрровском смысле. Дело в том, что дискурс просто меньше, в нем и сама эта система меньше, и продуктов речевой деятельности меньше. Но зато в дискурсе есть типологизированные фразы, закрепленные за теми или иными ситуациями. Вы же не будете говорить, скажем, в аптеке или в домоуправлении на политическом дискурсе. Дискурс – это не просто «малый язык», это еще и «самопредписывающий язык». Раньше в этом смысле употреблялся термин *функциональный стиль* языка. Вот в этом смысле дискурс занимает промежуточное положение между системой и текстом»¹⁰.

⁹ Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998.

¹⁰ Беседа с Юрием Сергеевичем Степановым // Политическая наука. 2012. № 3.

Еще одна принципиальная особенность дискурса состоит в том, что он не сводим ни к тексту, ни к речевой деятельности. При всей важности языковых аспектов политики она не сводится только к речевым актам. В политике очень много всякого рода действий, насыщенных символикой, смыслом. Это и манифестации, и политические дебаты, и всего рода процедуры и церемонии. Все они построены на определенных знаках. Эти знаки используются сознательно и систематически. Поэтому нельзя не признать, что дискурс охватывает всю символическую деятельность политиков и граждан. Это и составляет суть современного понимания дискурса.

Что касается текста, то классический авторский текст отличается от дискурса еще и тем, что у дискурса нет и не может быть автора. Он всегда охватывает эпизоды политического процесса, например, манифестации или политические дебаты. Эти дискурсы возникают в результате того, что столкнулись воли нескольких участников, каждый из которых продуцирует что-то в этом совместном дискурсе, а нечто целое возникает только в результате сложения воли и смыслов, на первый взгляд, непредсказуемым образом. В результате дискурс оказывается произведением со многими авторами, которые очень часто не согласуют свои действия, а наоборот, находятся в конфликтных отношениях. В этой ситуации дискурс как раз и становится тем, что объединяет его участников, которые включены в поток осмысленных действий и за счет конвертации этих действий в правила принимают их, пусть даже это правила несогласия.

Подобная широкая трактовка дискурса получила признание в современной науке. Один из авторитетнейших специалистов в области дискурс-анализа Тойн ван Дейк определяет дискурс следующим образом: «Дискурс есть коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие»¹¹. Данное определение отождествляет *дискурс* с любым *целостным смысловым образованием*. В этом случае *дискурсом* будет называться такой эпизод действительности, который обладает временной протяженностью и представля-

¹¹ Dijk T. Ideology: A Multidisciplinary Approach. L.: Sage Publishers, 1998. P. 20.

ет собой систему, сформированную на основе логической организации смыслов с использованием специальных норм (знаков и кодов) и предполагающую содержательную интерпретацию. Всякий содержательно целостный политический процесс, например, избирательная кампания, формирование правительства, образование общественного движения, оказывается дискурсом.

Для того чтобы некий фрагмент действительности признать *дискурсом*, нужно, чтобы он состоял из элементов-знаков (*словаря*), чтобы они были логически друг с другом связаны *кодом* и образовывали *сообщение* от кого-то кому-то.

Может возникнуть сомнение, все ли типы дискурсов являются сообщениями. Однако это так. Поскольку все типы дискурса – текст, коммуникативный акт и содержательный фрагмент действительности – открыты для интерпретации и понимания, их можно рассматривать как преднамеренные (тексты, речи и т.п.) или непреднамеренные сообщения. Коль скоро всякий дискурс «сообщение», он самым непосредственным образом связан с так называемой *прагматикой* – аспектом общения, который образуют отношения между общающимися субъектами, между адресатом и адресатором, а также аудиторией (наблюдателями) или даже теми, по поводу кого идет общение. Более того, как уже отмечалось, все общающиеся субъекты становятся совокупными авторами объединяющих их дискурсов.

Такова в основных чертах природа дискурса как такового. При столь широком ее понимании мы можем упустить специфические свойства конкретных дискурсов. Чтобы продвинуться вперед в их понимании, интерпретации и анализе, нам придется рассмотреть отдельные разновидности дискурсов: исторические события, политические процессы, литературные произведения, житейские разговоры и т.п. При этом для каждой разновидности нужен свой подход, свои методы анализа, свои научные дисциплины. В этом отношении пестрота трактовок дискурса, о которой шла речь выше, вполне оправданна. Но только до известной степени – пока специфические свойства не затемняют суть, а именно семиотическую или знаковую организацию дискурса. В силу данного обстоятельства дискурсы наиболее успешно изучаются при условии преимущественного использования возможностей семиотики и лишь вспомогательного использования возможностей других отраслей знания.

Становление дискурса-анализа неразрывно связано с возникновением и развитием общей семиотики как универсальной обществоведческой дисциплины, изучающей содержательную сторону информационной со-

ставляющей человеческого существования. Она может и должна стать своего рода математикой гуманитарных и общественных наук, способной дать им универсальные инструменты определения меры, прежде всего оценки смыслов человеческой деятельности, подобно тому, как математика создала инструменты определения меры для природных процессов. Только адекватная и полная разработка общей семиотики может дать теоретико-методологическую основу для дискурса-анализа.

Приходится признать, что семиотика пока еще не стала подобного рода универсальной основой для гуманитарного знания. Это и понятно, она молода, ее существование едва ли превышает столетие. К нашему времени первоначальные построения *grammatica speculativa* Ч. Пирса¹², сигнифики В. Уэлби¹³ и семиологии Ф. де Соссюра¹⁴ многократно обогатились. Был накоплен интеллектуальный потенциал, который позволяет рассматривать семиотику отнюдь не как раздел языкознания, логики, психологии, кибернетики, теории информации или философии, а как особую отрасль знания о человеческой действительности, без учета и использования которой любая гуманитарная наука оказывается столь же шаткой и бесплодной, как любая естественная наука без математики.

Что же позволяет делать подобные утверждения? По меньшей мере, два обстоятельства.

Первое связано с онтологией человеческой действительности. Подобно тому, как материальная реальность обретает свою меру в числе, точнее свои меры в числах и математических отношениях, так и вырастающая из нее более сложная человеческая действительность обретает свою меру в знаке, точнее свои меры в знаках разного рода и в смысловых отношениях. Математика формирует свое знание независимо от материала, которому она прилагается. Точно так же семиотика дает понимание смысла и меры вне зависимости от их специфического выявления в сфере человеческого существования. И та, и другая, однако, для своего обо-

¹² Peirce Ch.S. *Grammatica Speculativa*. Collected Papers. Vol. 2. Camb. (Mass.), 1960. Peirce Ch.S. *Grammatica speculativa* // Peirce Ch.S. Collected papers. Cambridge (Mass.), 1960. Vol. 2. Русский перевод в антологии: Семиотика / сост. Ю.С. Степанов. 1-е изд. М., 1983; 2-е изд. М., 2001, а также Пирс Ч.С. Логические основания теории знаков. СПб., 2000.

¹³ Welby V. *Significies and language*. L., 1911; сам термин введен Викторией Уэлби еще в 1903 г.

¹⁴ Saussure F. de. *Cours de linguistique générale*. P., 1972 (посмертная публикация конспектов лекций, осуществленная учениками в 1916 г.); русский перевод Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933; см. также Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.

снования и самого существования требуют систематического и полного исчерпывания своих предпосылок, испытания всех своих возможностей «измерения» как таковых. Только при подобных условиях они могут состояться как фундаментальные науки.

Второе обстоятельство вытекает из первого. Уже создатели первых «протосемиотик» угадывали подобные возможности в своих созданиях. Однако систематическая разработка содержательной стороны человеческой действительности требовала грандиозных усилий. Вполне естественно следующим поколениям ученых пришлось сосредоточиться на разработке специфических возможностей приложения принципов семиотики. В результате возникли своего рода частные семиотики. Это была, прежде всего, лингвистическая семиотика как наиболее разработанная сфера исследований. Однако наряду с ней появились и другие семиотические дисциплины. В результате, как отмечал Ю.С. Степанов, возникла следующая ситуация: «Семиотика черпает свой материал из лингвистики, кибернетики (с теорией информации), биологии, психологии, обществоведения (этнографии и социологии), истории культуры, литературоведения, но также и отдает в свою очередь этим наукам свои обобщения. Она развивается на стыке наук». В результате «срединное положение семиотики среди ряда наук и то, что семиотика – наиболее оформленная часть современных системно-структурных исследований, составляет ее аналогию с философией»¹⁵.

Техники анализа дискурсов

Техники анализа дискурсов многообразны. Они включают не только аппарат семиотики, но и целый ряд специальных методов и методик, разработанных в различных дисциплинах. В их числе социолингвистика и теория перевода, пользующиеся такими аналитическими инструментами, как анализ регистров¹⁶ (направленность дискурса, способ дискурса

¹⁵ Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998. С. 19.

¹⁶ Одной из первых концепцию регистра применила к переводу Хаус (House J. Quality of translation // Encyclopedia of Translation Studies / ed. by M. Baker. L.; N.Y.: Routledge, 1998. P. 197–200), показав, как две основные функции текста – идейно-содержательная, т.е. функция передачи идей текста, и межличностная, относящаяся к автору, тексту и читателю («ideational and interpersonal»), – соотносятся с такими параметрами регистра, как способ («medium») и социально-ролевые отношения, и как, в зависимости от данных

и область (поле) дискурса)¹⁷, дискурс-анализ¹⁸ (анализ тематической структуры текста, когерентности и когезии) и прагматический анализ (основанный на теории речевых актов, принципах Грайса, концепциях языковых и текстовых функций)¹⁹.

Для начала кратко остановимся на вопросе о регистрах. Между регистрами различных языков много общего, и провести между ними строгие границы очень сложно. В целом регистры иллюстрируют, как в данном дискурсе актуализируются значения языковых единиц, и как функционирует язык в той или иной ситуации. Концепция регистров, безусловно, важна для проведения грамотного когнитивного анализа по двум причинам. Во-первых, любой исследователь, занимающийся семантическим сравнением специальных двуязычных дискурсов, должен владеть навыками понимания и адекватного лингвистического выбора при сопоставлении соответствующих регистров, особенно в случае обращения к новой, незнакомой тематике. Во-вторых, предполагается, что помимо общих черт между регистрами, приемлемыми в данной конкретной ситуации, в разных языках существуют и определенные различия, и, следовательно, в процессе сопоставительного анализа регистры могут сдвигаться. Следует заметить, что в этой области проведено сравнительно небольшое количество компаративных исследований, и специалисты не владеют прочными данными относительно несовпадений между регистрами в различных языках, поэтому в проблемных ситуациях им приходится в основном полагаться на свой опыт, логику и здравый смысл²⁰.

Под регистром понимается определенная ситуация общения (регистр может быть торжественным, официальным, дружеским, интимным и т.д.).

критериев, оценивается качество перевода, не только в плане степени семантического совпадения, но и учитывая степень соответствия или несоответствия регистров.

¹⁷ В английском языке соответственно – *tenor, mode, domain (field) of discourse*.

¹⁸ Под дискурсом в лингвистике текста понимается текст, помещенный в определенную ситуацию, другими словами, дискурс есть текст в совокупности со всей так называемой затекстовой информацией.

¹⁹ Подобного подхода, к примеру, в Англии придерживаются Бейсил Хейтим и Ян Мейсон (Hatim B., Mason I. *Discourse and the translator*. L.; N.Y.: Longman, 1994), Роджер Белл (Bell R.T. *Translation and translating theory and practice*. L.; N.Y., 1991), Мона Бейкер (Baker M. *In Other Words: A Course book on Translation*. L.; N.Y.: Routledge, 1992), Майкл Хоуэй (Hoey M., Houghton D. *Contrastive analysis and translation // Encyclopedia of Translation Studies / ed. by M. Baker*. L.; N.Y.: Routledge, 1998. P. 45–49) и др.

²⁰ Fawcett P. *Linguistic approaches // Encyclopedia of Translation Studies / ed. by M. Baker*. L.; N.Y.: Routledge, 1998.

В понятие регистра входят также так называемые ролевые функции участников ситуации общения. Поскольку люди принимают участие в различных видах социальных отношений, для различных целей они используют различный язык. Термин «регистр» определяет использование конкретного «вида» языка («variety of language») в конкретном социальном контексте, который, в свою очередь, определяется типом деятельности, в которой язык функционирует. Регистры используются для выражения различных мнений в различных ситуациях, в зависимости от типа социальной активности, в которой задействованы участники коммуникации. Регистры обычно отражают общепринятые типы дискурса, отличающиеся друг от друга главным образом грамматикой и вокабуляром.

В настоящее время в лингвистике текста чаще всего используется традиционная модель регистра Хэллидея, состоящая из трех параметров: 1) понятие направленности дискурса («tenor») характеризует отношение автора к читателю, выражаемое в степени официальности (формальности) и доступности текста; 2) способ дискурса («mode») определяет канал, используемый для коммуникации (сюда же включается вид речи: письменная, устная и т.д.), и, следовательно, может влиять на степень спонтанности и участия читателя в тексте; 3) определения понятия области (или поля) дискурса («domain», «field») варьируются у различных авторов, но чаще всего оно частично связано с понятиями функции и жанра.

Направленность дискурса связана с ролевыми отношениями, существующими между коммуникантами в процессе общения. Уровень официальности языка всегда в большой степени детерминирован социальной ситуацией и статусом участников коммуникации. Существует разделение на пять уровней официальности: 1) подчеркнуто-авторитарный («frozen»: «Visitors should make their way at once to the upper floor by way of staircase»), 2) официальный («formal»: «Visitors should go up the stairs at once»), 3) совещательный («consultative»: «Would you mind going upstairs right away please?»), 4) небрежный («casual»: «Time you went upstairs, now»), 5) интимный («intimate»: «Up you go, chaps!»)²¹. Более простое и распространенное деление на три уровня: официальный, нейтральный и неофициальный²².

²¹ Martin Joos – автор идеи о пяти уровнях, примеры взяты у М.А.К. Хэллидея (Halliday M.A.K., McIntosh A., Stevens P. The linguistic sciences and language teaching. L.: Longmans, 1964).

²² Уровень официальности очень тесно связан с уровнем фамильярности (между участниками коммуникации, принадлежащими к определенному рангу, либо если речь

Понятие способа дискурса определяет, какую роль в данной коммуникативной ситуации играет сам язык. Как указывалось выше, речь идет о выбранном средстве, способе коммуникации (говорение, письмо и т.д.) и о канале связи (письмо, эссе, лекция, телеграмма и т.д.), включая монолог, диалог и т.д.²³

Последнее понятие поля (области) дискурса относится к 1) фактически происходящему событию или имеющей место деятельности, т.е. к тому, каким образом участники акта коммуникации используют язык (пространственные и временные характеристики), включая 2) тему коммуникации и 3) известную и неизвестную информацию (фактический материал) по данной теме. Поле дискурса легко определить по лексической и грамматической сочетаемости языковых единиц. Регистр может быть техническим, научным, правовым (юридическим), религиозным, спортивным, вузовским (так называемый «classroom discourse») и т.п. К примеру, по наличию в тексте слов «absolve», «priest» можно сделать вывод о религиозном регистре и тем самым спрогнозировать дальнейшую лексику текста, в которой предположительно могут встретиться слова «confessional», «pray», «preace» и т.п. Слово «acquit» предполагает слова «charge», «court», «case», относящиеся к правовому регистру.

Сопоставительные исследования имеющихся в различных языках регистров, безусловно, перспективны для научных изысканий в рамках когнитивной парадигмы и обладают большим эмпирическим потенциалом. В настоящий момент данный вопрос практически не освещен в работах современных авторов, впрочем, так же, как и такие, не менее важные аспекты лингвистики текста, как когерентность и когезия (концептуальные и языковые связи, в процессе комбинации которых создается текст как единая смысловая единица), типология текстов, текстовые функции. Поскольку в разных языках способы создания текстуальности²⁴ различны, это, естественно, отражается на процессе понимания иноязыч-

идет о вежливом обращении, т.е. о выбираемых коммуникантами стратегиях вежливости: you, Mr Charles и т.п.).

²³ Переводимые (составляемые) тексты можно подразделить на так называемые «written-to-be-read» (их большинство) и «written-to-be-spoken» (например, слайды).

²⁴ Под текстуальностью понимаются различные категории, необходимые для создания целостного текста. В частности, когерентность есть концептуальная, смысловая целостность текста (не беспорядочная, а логическая связь предложений по смыслу), когезия же представляет собой связь между языковыми элементами предложений текста, обеспечивающую его целостность (одни элементы текста могут быть поняты (переведены) только в совокупности с другими элементами в рамках контекста).

ного текста. Французский язык, к примеру, имеет тенденцию использовать эксплицитные гипотактические приемы когезии и когерентности; однако для подтверждения подобных гипотез явно не хватает валидных экспериментальных данных²⁵.

Две последние области современной лингвистики текста, непосредственно касающиеся процедур профессионального когнитивного анализа, имеют отношение к прагматике: это так называемые импликатуры Грайса и теория речевых актов²⁶.

Понятие импликатуры исходит из положения, что диалог разворачивается по определенным принципам (т.е. участники диалога должны придерживаться определенных принципов): будь вежлив, не говори больше, чем нужно, или меньше, чем нужно и т.п. Если один из принципов нарушается, диалог выходит на новый уровень, отличный от обычного, и говорящие подразумевают что-то имплицитно. Несмотря на то, что данная концепция была разработана в основном для анализа устного языка, ее релевантность для письменного дискурса вряд ли можно подвергнуть сомнению. Принцип вежливости, к примеру, важен при сопоставительном анализе материалов, носящих откровенно оскорбительный характер по отношению к культуре другого языка²⁷. Количественный принцип имеет непосредственное отношение к восприятию информации, не знакомой для аудитории, принадлежащей к иной культуре. Кроме того, в различных языках данные принципы используются по-разному в различных ситуациях, и исследователь должен владеть необходимыми знаниями относительно этих различий²⁸.

²⁵ О различиях между приемами когезии и когерентности в английском и итальянском языках см. исследования в английском и арабском М. Бейкер (Baker M. Op. cit.). Кроме того, на данную проблему проливают свет труды Норд по текстуальному анализу и функциональная теория перевода К. Райс и Г. Фермеера (теория «скопос»). Начало устранению данных пробелов положено также в ходе развития компьютерного анализа антологий текстов («corpus analysis») в рамках так называемой антологической лингвистики (Baker M. Op. cit.), а также Kenny D. Corpora in translation studies // Encyclopedia of translation studies. L.; N.Y.: Routledge, 1998. P. 51–53.

²⁶ Fawcett P. Op. cit. P. 123.

²⁷ Ibid. P. 124. Подробнее об импликатурах Грайса см.: Baker M. Op. cit. P. 222–240.

²⁸ Наконец, во многих современных исследованиях подчеркивается важность для когнитивного анализа теории речевых актов. Утверждается, например, на основе проведенного анализа речевых актов из отрывков на английском языке, что речевой акт (изложение суждений, выражение приказа и т.д.), в котором подчеркнуто-выраженно используются конкретные слова, оказывает определенное воздействие на процесс и результат перевода. Однако подобная гипотеза не всегда подтверждается (к примеру, буквальный

В настоящей работе предлагается применить основные теоретические положения классического дискурс-анализа к сопоставительному когнитивному исследованию научного политического регистра на примере концепта подотчетности, где ассоциативный принцип лексической маркированности позволяет сформулировать целый ряд практических, прагматических выводов и рекомендаций.

Лексическая маркированность как основа построения когнитивного концептуального тезауруса может быть свойственна семантическим компонентам в различной мере: в большей – компонентам на уровне прямых значений исходных слов, в меньшей – компонентам, обнаруживающим семантические связи на уровне переносных значений соответствующих слов или их дериватов.

При этом ядерно-периферийный принцип, действующий в сфере компонентов и определяющий в конечном счете шкалу иерархичных ассоциативных связей, сохраняет свою силу и в достаточно широкой и динамичной зоне слов-сопроводителей.

Подчеркнем, что в нашем случае под словами-сопроводителями понимаются слабые (производные) ассоциативные связи, различимые в письменном дискурсе на уровне широкого контекста, выходящего за рамки предложения. Сильные же связи преимущественно представлены ассоциатами в рамках семантических полей и однокоренных морфем.

Эмпирическое изучение научного дискурса и концепта подотчетности (на примере книги Роберта Бейна)

В качестве объекта эмпирического исследования был выбран письменный научный дискурс, представленный в работе Роберта Бейна «Rethinking Democratic Accountability»²⁹. Предложив для начала некоторые примеры собственно сопоставительного лингво-когнитивного анализа, попытаемся во второй части данного исследования остановиться на ряде конкретных прикладных моментов.

перевод часто производит желаемый эффект без необходимости какого-либо дальнейшего анализа).

²⁹Behn R.B. Rethinking Democratic Accountability. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2001.

Таблица 1

<p>What do we mean by “accountability”? What exactly do we mean when we say that we want “to hold people accountable”? We talk this way all the time. We are always talking about holding someone accountable. Yet, when we say it – “we are going to hold people accountable” – what do we really mean?</p> <p>Accountability Holders and Accountability Holdees</p> <p>Lots of people are in the accountability-holding business – either because their jobs give them this responsibility or because they have simply assumed it. <i>Elected officials and candidates</i> are always declaring that they will “hold people accountable.” <i>An agency’s clients and other stakeholders</i> repeatedly call for its <i>managers</i> to be “held accountable.” The U.S. General Accounting Office prepares reports for Congress with titles such as <i>Federal Agencies Should Use Good Measures of Performance to Hold Managers Accountable</i>.</p> <p><i>Scholars</i> write books about <i>Holding Government Bureaucracies Accountable</i> and <i>Holding Schools Accountable</i>. We have created <i>government officials – auditors, inspectors general, independent counsels</i> – whose sole task is holding <i>other government officials</i> accountable. <i>Lawyers</i> hold <i>government officials</i> accountable <u>by suing them or by convincing juries</u> to lock them up or at least give them a <u>big fine</u>. And, of course, <i>journalists</i> believe it is their constitutional mission to hold everybody accountable.</p> <p>What Do We Mean by Accountability, Anyway?</p> <p>During 1998, for example, questions about President Bill Clinton’s campaign fundraising and personal behavior generated numerous calls to hold someone accountable. “Perjury,” said U.S. Representative (and speaker designate) Bob Livingston when he announced his retirement from Congress, “is <u>a crime</u> for which the president may be held accountable, no matter the circumstances.” Former senator Bob Dole criticized Attorney General Janet Reno’s failure to appoint an independent counsel to investigate the fundraising practices of the 1996 Clinton-Gore campaign committee and hoped that “someone in Congress will hold <i>the attorney general</i> accountable.” Allegations of Chinese espionage at U.S. nuclear laboratories caused Senate Majority Leader Trent Lott to remark that somebody “made <i>some major mistakes</i>, and somebody needs to be held accountable.” Everyone wants people – other people – to be held accountable. Mark Moore of Harvard University and Margaret Gates, a consultant to nonprofit agencies, write of “<u>the public’s demand for accountability</u>,” of “an unquenchable <u>thirst for accountability</u> that cuts across <i>the political spectrum</i>.” Liberals</p>	<p>Accountability to hold people accountable</p> <p>Accountability Holders Accountability Holdees</p> <p><i>Measures of Performance</i></p> <p><u>by suing them or by convincing juries</u></p> <p><u>the public’s demand for thirst for accountability</u></p>
---	---

<p>and conservatives, they write, <u>like</u> accountability and want more of it. “Everyone agrees,” they continue, “that the evils of corruption, arbitrariness, and inefficiency are inherent in government and that they can be exorcised through <i>mechanisms of accountability</i>.” On the baseball diamond, the <i>umpires</i> hold <i>the players</i> accountable. But at the beginning of the 1999 season, the baseball players – calling for more accountability of the umpires – issued a ranking of the umpires in each league. Peter Gammons, the ESPN baseball commentator, noted that “for a long time everyone in the [baseball] business has wanted umpires to be accountable the way the players and management people are accountable. “Predictably, the umpires were not pleased. Our system of accountability has two types of people: Either you are an accountability holder or you are an accountability holder. It’s <u>great</u> to be an accountability holder. It’s <u>not so much fun</u> to be an accountability holdee.</p> <p>Who can hold someone <i>in government</i> accountable? Anyone with a printing press, photocopy machine, microphone, law school diploma, video recorder, Internet access, or campaign filing fee. But what do these <u>official and unofficial accountability holders</u> really mean when they say, “We’re going to hold people accountable”? I’m not sure that I can <i>offer a good definition</i>. And I’m not sure that any of these accountability holders – <i>the politicians, the stakeholders, the auditors, the scholars, the lawyers, or the journalists</i> – know exactly what it means to “hold someone accountable.” The General Accounting Office observes, “Accountability is an important yet <i>elusive concept</i> whose meaning and <i>characteristics differ depending upon the context</i>.” That’s not very helpful. I suspect, however, that the people being held accountable know. These accountability holdees have a very clear picture of what being held accountable means to them – to them <u>personally</u>. They recognize that, if someone is holding them accountable, two things can happen: When they do something good, nothing happens. But when they <i>screw up</i>, all hell can break loose.</p> <p>Those whom we want to hold accountable have a clear understanding of what accountability means: accountability means punishment. This punishment can be <i>a fine, a jail term, the loss of one’s job</i> – all of which are subject to the requirements of due process. But the punishment can also be <i>the public humiliation</i> of being grilled by a hostile legislator, of being sued by an aggressive lawyer, of being subpoenaed by an unctuous prosecutor, or of <i>being defamed by an investigatory journalist</i> – none of which requires much due process. When <i>people screw up</i>, there are a variety of ways to hold them accountable – to punish them.</p>	<p><i>Mechanisms of accountability</i></p> <p>system of accountability accountability holder accountability holdee hold someone <i>in government</i> accountable <u>official and unofficial accountability holders</u></p> <p><i>elusive concept</i></p> <p><u>personally</u></p> <p>Accountability means punishment <i>the public humiliation</i></p> <p>a variety of ways to punish them</p>
---	---

Дискурсный анализ данного отрывка наглядно демонстрирует, что восприятие и осознание концепта подотчетности в его конвенциональном, равно как и вokkaзиональном смысле, зависит от того, каким образом он представляется и интерпретируется в интенциональном (модальном) авторском исполнении. Авторская интенция, в свою очередь, в итоге, безусловно, воздействует на процесс конструирования фактической политической реальности посредством актуализации в языке и речи конкретных семантических значений исследуемого явления.

Если исходить из положения о том, что ассоциативный тезаурус личности есть комбинация и порой непредсказуемая сочетаемость сильных и слабых связей (глубинных и поверхностных, ядерных и периферийных, главных и производных), формируемых как осознанно, так и подсознательно, то академический дискурс Р. Бейна, касающийся крайне размытого концепта подотчетности, позволяет говорить о таких доминантных понятиях, как «осуществление контроля над людьми» («holding people accountable»), «подотчетность» («liability»), «ответственность» («responsibility») и ряде других.

Не менее интересен когнитивный фон таких лингвистически производных, а с политологической и политической точки зрения важнейших явлений, как «лицо контролирующее» («the accountability holder») и «лицо подконтрольное, подотчетное» («the accountability holdee»). Следует акцентировать внимание и на том факте, что выделенные концепты-дериваты, такие, как «система подотчетности» («the system of accountability») и «среда подотчетности» («the accountability environment») содержательно различны, несмотря на их, на первый взгляд, сугубо синонимическое сходство.

Понятие «наказания» («punishment») как отдельная сема области значения концепта «подотчетности» совершенно четко прослеживается в англоязычном дискурсе, при его практически полном отсутствии в качестве компонента ассоциативного ряда соответствующего лексического эквивалента в русском языке. Аналогичная ситуация и в отношении такого компонента значения концепта подотчетности, как «общественное порицание за просчеты» («the public humiliation for wrong doing»).

В связи с этим подчеркнем, что, как мы видим, кроме обычных реалий, маркируемых безэквивалентной лексикой, обширную фоновую информацию содержат в себе реалии особого вида – ассоциативные. Эти реалии связаны с самыми различными национальными историко-культурными явлениями и очень своеобразно воплощены в языке. Ассо-

циативные реалии могут и не находить своего отражения в специальных словах, в безэквивалентной лексике, «закрепляясь» (часто на подсознательном уровне) в словах самых обычных. Они находят свое материализованное выражение в компонентах значений слов, в оттенках слов, в эмоционально-экспрессивных обертонах, во внутренней словесной форме и т.п., обнаруживая информационные несовпадения понятийно-сходных слов в сравниваемых языках.

Таким образом, намечается целый блок, кластер специальных терминов и понятий, требующих не только четкой и лаконичной лингвистической трактовки, но и детального эмпирического, когнитивного анализа, с их последующим внедрением в обиход современной отечественной политической науки. Очевидно, что создание понятийного аппарата любой научной сферы достигается решением междисциплинарных задач, особенно, если речь идет о так называемом «безэквивалентном» вокабуляре в рамках двуязычного политического и политологического дискурса.

Прагматические аспекты использования понятия подотчетности: принципал, агент и эффекты их взаимодействия

Подотчетность традиционно рассматривается как «обязанность конкретных акторов отчитываться» или «нести ответственность» за предпринятые действия, решения, реализованную политику или произведенный продукт. Именно поэтому данное понятие часто отождествляется с юридическо-правовыми актами, а именно: «Подотчетность – это характеристика ответственности; ответственность за предоставление отчетов; обязательство нести ответственность за последствия нереализованных ожиданий»³⁰.

В современном мире подотчетность стала неотъемлемой частью бюрократической системы: как в государственных структурах, так и в международных организациях. Именно поэтому понятие подотчетности постепенно становилось политическим явлением, характеризующим состояние государства в целом, начиная с коррупции и заканчивая отчетностью о расходах государственного бюджета. Однако с начала 2000-х

³⁰ UNICEF Dictionary [Электронный ресурс] // UNICEF. URL: <http://www.answers.com/topic/accountability> (дата обращения: 15.01.2014).

происходит коренное переосмысление данного понятия, и крен всей концепции смещается в сторону антропоцентричных категорий, т.е. человеческого фактора.

В уже упомянутой выше книге «Rethinking democratic accountability» Роберт Бейн, профессор Гарвардского университета, всесторонне рассматривает определение подотчетности: от традиционного его понимания в публичном администрировании до современного употребления данного определения в парадигме нового публичного менеджмента. В основе работы Р. Бейна лежит гипотеза о том, что индивид – это либо принципал, отвечающий за подотчетность, либо подотчетный принципалу агент. Бейн начинает свою книгу с определения трех видов подотчетности:

- подотчетность как основа обеспечения справедливости (accountability for fairness), когда государственные организации являются подотчетными в рамках применения норм демократического управления, справедливости и равноправия;
- подотчетность как основа эффективности действий (accountability for performance), которая подразумевает определенные ожидания граждан и соответствие или несоответствие действий данным ожиданиям;
- подотчетность как основа для применения власти или/и злоупотребления властью (accountability for the use (or abuse) of power), которую автор ассоциирует с финансовой подотчетностью, продиктованной законом, определенными соглашениями или правилами.

Понимание концепции подотчетности по Роберту Бейну требует операционализации основных видов подотчетности, для чего мы определили своей задачей подробно проследить и сопоставить основные характеристики первых двух видов и провести анализ их понятийных ассоциативных рядов.

Подотчетность как основа обеспечения справедливости – это термин, который Роберт Бейн избрал для обозначения некоторых категорий традиционного понятия подотчетности, а именно: ответственность за определенные поступки, проводимую политику и произведенные продукты. Однако новшество данной теории заключается в интерпретации именно демократической подотчетности на уровне организаций. Ответность в данном случае определяется как соответствие либеральным ценностям при предоставлении гражданам услуг, в процессе налогообложения граждан, во взаимодействии между принципалом и агентом, в ходе

заклучения контрактов между руководством и нанятыми сотрудниками с учетом соблюдения «справедливости, равенства и взаимоуважения».

Таким образом, следует отметить, что в отечественной политической науке нет аналогов понятия «accountability for fairness», поскольку в российской политологии подотчетность рассматривается как «условие, согласно которому члены представительных органов власти отвечают перед теми, кого они представляют, за исполнение своих властных полномочий и обязанностей, а также учитывают в своей деятельности критические замечания и требования, отвечая за невыполнение своих обязанностей, некомпетентность или обман»³¹. Следуя цели операционализации термина «accountability for fairness» в логике повествования в исследовании «Rethinking democratic accountability» Роберта Бейна, мы предприняли попытку выстроить определенный тезаурус, способствующий приемлемой интерпретации данного понятия (рис. 1).

Рис. 1. Терминологический тезаурус «Accountability for fairness»

Предлагаемый в настоящем исследовании когнитивный тезаурус сконструирован с учетом авторских лексических маркеров, выведенных нами в ходе анализа письменного дискурса Роберта Бейна, а также на основе дискурсивных ассоциативных связей, коррелирующих с концептами «accountability» и «fairness». Бейн в своей книге указывает: «The traditional

³¹ Политика. Толковый словарь / под общ. ред. И.М. Осадчей. М.: ИНФРА-М, 2001.

dictionary definitions of «accountable» are: «1. subject to giving an account: answerable»; and «2. capable of being accounted for: explainable.» And «accountability» is «the quality or state of being accountable, liable, or responsible»³². Вышеприведенные синонимы являются позитивным аспектом понятия подотчетности в логике Роберта Бейна, но можно проследить и негативный коннотативный оттенок значения, а именно: «culpability», «vulnerability», «control». Следовательно, можно заключить, что подотчетность является не чем иным, как возможностью обеспечить равноправие государства, корпораций, организаций и граждан. Именно поэтому в русскоязычном тезаурусе подотчетность определяется как «ответственность», «прозрачность», «отзывчивость» и т.д.

Имеет смысл также обратить внимание на определение «fairness» в данном контексте. В политической науке понятие справедливости является основополагающим, если мы рассуждаем о демократиях, идеологиях и международных отношениях: в таких случаях данное понятие используется как индикатор «соответствия» деяния воздаянию.

Операционализация понятия «fairness» в логике Роберта Бейна аналогично требует воссоздания его ассоциативного тезауруса. В ходе когнитивного дискурсивного анализа выясняется, что данное понятие коррелирует не только с его традиционными семантическими интерпретациями, такими, как «равенство», «правдивость», «честность», «объективность» и «справедливость», но и, как заявляет сам Роберт Бейн, предполагает «законность», «прозрачность» и «правдивость». Он рассматривает подотчетность для обеспечения справедливости не только в смысле гарантии прозрачности финансовых потоков в корпорациях и организациях, но и акцентируя внимание на справедливых отношениях между руководителями и подчиненными. Более того, Бейн говорит о государственной подотчетности и приводит свое видение «подотчетности как основы обеспечения справедливости», имея в виду создание соответствующих правил и процедур, которые бы фиксировали исчерпывающие ожидания граждан касательно самого государства. Следовательно, граждане, заявляя о своих предпочтениях и ожиданиях, принимают решения о том, какие именно функции должно выполнять данное государство. Поэтому в контексте отношений государства и населения данный концепт можно было бы обозначить как «подотчетность для обеспечения законности».

³² Behn R. Op. cit.

Итак, мы определили различие между «подотчетностью как основой для обеспечения справедливости» и «подотчетностью для обеспечения законности», рассмотрев взаимоотношения государства и населения через призму ответственности правительства за адекватное удовлетворение «ожиданий» граждан данной страны. Таким образом, «подотчетность как основа обеспечения справедливости» акцентирована на том, что государство выполняет именно те функции, которые оно обязано выполнять. Однако затем необходимо проследить, каков уровень качества исполнения данных функций и каковы последствия предпринятых действий. В этой связи Роберт Бейн предлагает рассмотреть следующий вид подотчетности, а именно **подотчетность как основу эффективности действий**.

И вновь стоит заметить, что в отечественной политологической науке не была исследована связь между подотчетностью и качественным исполнением определенных должностных обязанностей в корпорациях и организациях, равно как и взаимозависимость подотчетности и функций государства. Более того, в российской политологии существует мнение о том, что подотчетность пагубно влияет на эффективность работы той или иной организации³³, поскольку бюрократические процедуры отнимают временные ресурсы в ущерб результатам деятельности. С другой стороны, зарубежные авторы утверждают, что повышение ответственности правительства за свои действия положительно влияет на качественные характеристики государства³⁴, а эффективность органов власти в конечном счете зависит от политического участия граждан³⁵. Роберт Бейн рассматривает данный факт, который наглядно демонстрирует необходимость государства отчитываться перед гражданами за то, каких результатов (позитивных или негативных) оно достигло.

³³ Further Understanding Accountability in Public Organizations: Actionable Knowledge and the Structure – Agency Duality // *Administration & Society*. 2001. P. 255–289.

³⁴ Adsera A., Boix C., Payne M. Are You Being Served? Political Accountability and Quality of Government // *The Journal of Law, Economics and Organization*. 2003. Vol. 19. No. 2; Rahn W., Rudolph T. A Tale of Political Trust in American Cities // *Public Opinion*. 2005. No. 69 (4). P. 530–560; Rhys A. Exploring the Impact of Community and Organizational Social Capital on Government Performance: Evidence from England // *Political Research Quarterly*. 2011. No. 64 (4). P. 938–949.

³⁵ Giordano R., Tommasino P. Public Sector Efficiency and Political Culture // *Working Papers of Italian Bank*. 2011. No. 786.

Анализируемое понятие может быть представлено с учетом определенных лексически маркированных акцентов в его ассоциативном тезаурусе (рис. 2).

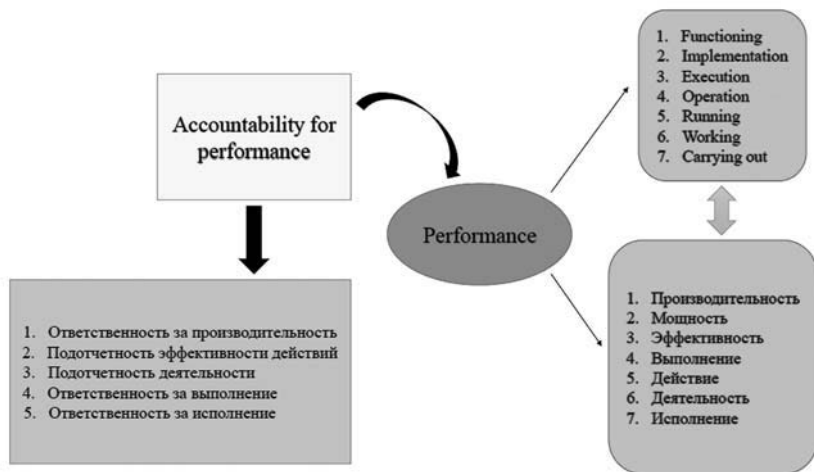

Рис. 2. «Accountability for Performance»

Как и в предыдущем понятии «accountability for fairness», дискурсивный анализ эксплицирует позитивный оттенок коннотативного значения термина «подотчетность», следовательно, в данном случае мы не можем выбрать в качестве переводящих эквивалентов русскоязычные единицы «ответственность» или «контроль», поскольку их когнитивный фон однозначно структурирован негативными эмоциональными ассоциациями, связанными с привлечением человека к ответственности и с принудительной подконтрольностью.

Сопутствующий концепт «performance» представляет отдельный исследовательский интерес. Поскольку Бейн подчеркивает, что государство должно работать не на процесс, а на результат, который заключается в «оправдывании» определенных ожиданий граждан, обращаем внимание на следующий абзац в тексте автора: «Accountability for performance means – ought to mean – more than providing the appropriate and required service to the agency’s direct «customers.» Our expectations for the performance of public agencies cover more than keeping customers happy. Accountability for performance ought to mean achieving performance standards that are set

at a higher level than a seller-buyer, provider-customer exchange»³⁶. Таким образом, выбор адекватного эквивалента на русском языке понятия «performance» представляется крайне важным. Такие словарные соответствия, как «мощность», «деятельность», «исполнение», «производительность», «действие» не отвечают требованиям прагматической адекватности перевода, поскольку ни один из данных синонимов не передает авторской интенции, т.е. именно той семантической коннотативной нагрузки, которая четко прослеживается в дискурсе самого Роберта Бейна. В логике его повествования граждане выступают основными акторами в регулировании государственной политики, они формулируют свои запросы и ожидания по поводу деятельности государственных учреждений. Следовательно, правительство стремится работать на достижение конкретных целей и задач, поставленных перед ним обществом. Поэтому наиболее приемлемым аналогом концепта «accountability for performance» здесь будет понятие «эффективность действий». «Подотчетность как основа эффективности действий» представляет собой эмоционально позитивный когнитивный концепт в политической реальности, благодаря чему политика характеризуется не как прозрачность и открытость бюрократической структуры в государственной системе, а как подтверждение приверженности представлениям общества о данном государстве и о проводимой в нем правительством политике. Таким образом, данный вид подотчетности встраивается в категориальную систему координат экономической системы в качестве перцептивного индикатора «уровня счастья» в стране.

Все сказанное выше наглядно демонстрирует, что вопрос об определении подотчетности как концептуальной единицы, используемой в научном дискурсе, является сложнейшей теоретической исследовательской проблемой. Разнообразие видов и классификаций подотчетности не позволяет однозначно определить термин и найти более или менее приемлемые области прикладного применения концепта. Задача усложняется и тем, что русскоязычный научный дискурс плохо «знаком» с понятием подотчетности, и его трактовки сводятся к формальным критериям и изучению законности, однако, как показывает опыт научных и эмпирических изысканий, термин «подотчетность» намного шире, чем все существующие сегодня его определения. Поскольку усложненные трактовки и разнообразные классификации вносят неоднозначность в опре-

³⁶ Behn R. Op. cit.

деление, необходимо разобраться с тем, какие на данный момент существуют виды подотчетности, по какому принципу они выделяются и как их можно свести к неким универсальным или единообразным критериям, чтобы точнее определить предметную область изучаемого концепта.

Одна из самых распространенных классификаций подотчетности сводится к ее формальному делению на политическую и правовую. Согласно общему представлению, которое раскрывается и юридическими словарями, политическая подотчетность – это «ответственность или обязательство должностных лиц действовать *в соответствии с интересами общества*»³⁷. Ключевое слово в данном контексте – «интерес»: политическая подотчетность предполагает, что существуют заинтересованные люди, готовые привлекать к ответственности подотчетных должностных лиц. Фактически отсутствует формальный критерий, с помощью которого можно было бы привлечь кого-то к ответственности или обвинить в неисполнении возложенных на лицо обязательств. Однако формы контроля при исполнении политической подотчетности различны: смещение с должности, урезание бюджета тому или иному агентству. Более того, как пишет Дж. Фиердзон, для этого не нужно иметь никаких рациональных оснований, поскольку достаточными условиями являются заинтересованность лица и его неудовлетворенность сложившейся ситуацией³⁸.

Итак, политическая подотчетность объединяет в себе следующие два элемента: *заинтересованные лица и необязательное наличие формальных критериев привлечения к ответственности*. Отсюда логический вывод о том, что политическая подотчетность приводит к неравному перераспределению власти между теми, кто подотчетен, и теми, кто осуществляет контроль над подотчетными лицами³⁹. Таким образом, сложность осуществления политической подотчетности сводится не только к отсутствию формальных критериев, но и к тому, что, при отсутствии четкой стандартизации отношений, между заинтересованными сторона-

³⁷ Political accountability: Law and legal definition // US Legal. URL: <http://definitions.uslegal.com/p/political-accountability/> (дата обращения: 15.01.2014).

³⁸ Ferejohn J. Accountability in a global context // Global Administrative Law Series. IILJ Working Paper 2007/5. URL: <http://iilj.org/publications/documents/20075.GAL.Ferejohn.web.pdf> (дата обращения: 15.01.2014).

³⁹ См.: Mulgan R. The processes of public accountability // Australian Journal of Public Administration. 1997. Vol. 56 (1). P. 25–36; Mulgan R. 'Accountability': An ever-expanding concept? // Public Administration. 2000. Vol. 78 (3). P. 555–573.

ми возникают неравные обязанности и полномочия, что еще более усложняет процесс реализации политической подотчетности.

С другой стороны, существует правовая подотчетность. И многие исследователи соглашаются с мнением о том, что политическая и правовая подотчетность – вовсе не одно и то же⁴⁰. Определения правовой подотчетности фактически нет. Такой вид отношений подразумевает наличие стандартизации и отсутствие заинтересованных лиц, поэтому, как следует из критериев, правовая подотчетность определяется через противопоставление политической.⁴¹ Это означает, что подотчетным считается тот, кто действует в рамках стандартов или законов, четко определенных в правовой системе, и контроль и наказание могут осуществляться *только* на основании соблюдения или нарушения тех или иных норм.

Гораздо проще объясняют разницу между механизмами политической и правовой подотчетности конкретные примеры. В Афинах механизм ostracism может считаться примером политической подотчетности, не имеющей под собой никаких рациональных или стандартизированных оснований, и единственное, что поддается формальному критерию – это сама процедура проведения голосования⁴². Существовала и исангелия, означавшая публичное обвинение должностного лица в правонарушении, что регулировалось аттическим правосудием, что, в принципе, можно было бы приравнять к импичменту как современному механизму отставки президента⁴³. Безусловно, сложно говорить об отношениях подотчетности в древних Афинах, однако примеры эксплицитно указывают на критерии, по которым мы можем разделить правовую и политическую подотчетность. В первом случае – очевидное наличие заинтересованных лиц, которые осуществляют контроль и наказание на основе субъективных ожиданий, во втором случае формально субъективности не существует, только буква закона.

Иная классификация заключается в разделении подотчетности на электоральную и бюрократическую. Электоральная подотчетность заключается в отношениях между лицами, принимающими решения, и гражда-

⁴⁰ См.: Bovens M. Two concepts of accountability // «Researchgate». URL: <http://www2.ku.edu/~kupa/kettering/pdfs/Bovens.pdf> (дата обращения: 15.01.2014).

⁴¹ Ferejohn J. Op. cit.

⁴² Mogens H. H. The Athenian Democracy in the Age of Demosthenes. Oklahoma University Press, 1991. P. 143.

⁴³ Ibid. P. 145.

нами в условиях конкурентных выборов⁴⁴. Таким образом, данный вид подотчетности сводится к определению агентов, которые вступают в отношения контроля: выборные представители ответственны перед своим электоратом, что позволяет народу делегировать часть полномочий на более высокий уровень административного управления. Второй вид подотчетности в классификации, предложенной С. Гейлмардом, – бюрократическая подотчетность⁴⁵. В рамках данной модели сторонами отношений выступают политики, выборные представители, с одной стороны, и бюрократия – с другой. Механизм делегирования полномочий на бюрократический уровень сходен с механизмом передачи полномочий от электората к их избранным представителям: и в том, и в другом случае отношения подотчетности складываются из недостатка компетенции как электората, так и политиков, не способных полностью контролировать исполнение принятых ими норм, законов и решений⁴⁶.

С. Гейлмард определяет описанные виды подотчетности через модель принципал-агентских отношений⁴⁷. Как было сказано выше, и электоральная, и бюрократическая подотчетность складываются в условиях асимметрии информации, поэтому теория отношений в системе «принципал – агент» прекрасно вписывается в логику данной классификации. Данная теория предполагает наличие принципала, заказывающего услуги агенту и производящего мониторинг и конечный контроль за исполнением обязательств, возложенных на агента⁴⁸. В случае электоральной подотчетности принципалом выступает электорат, а агентом – избранные кандидаты, а в контексте бюрократической подотчетности принципал – это выборные должности, а агент – бюрократия. В данном случае переложение теории принципала-агента из экономики в политическую сферу означает, что форма подотчетности предполагает предоставление

⁴⁴ Ashworth S. Electoral accountability: recant theoretical and empirical work // Annual review of political science. 2012. Vol. 15. P. 189.

⁴⁵ См.: Gailmard. S. Accountability and principal-agent models // The Oxford handbook of public accountability / M. Bovens, R.E. Goodin, T. Schillemans (eds.). Oxford University Press, 2013. URL: http://www.law.berkeley.edu/files/cs/sl/Gailmard_-_Accountability_and_Principal-Agent_Models%281%29.pdf (дата обращения: 15.01.2014).

⁴⁶ Lupia A., McCubbins M.D. Designing Bureaucratic Accountability // Law and Contemporary Problems. 1994. Vol. 57 (1). P. 91–94.

⁴⁷ Gailmard. S. Op. cit.

⁴⁸ Проблема взаимоотношений принципала и агента // Олейник А.Н. Институциональная экономика. М.: Инфра-М, 2002. С. 265.

услуг и наличие обязательств агента перед принципалом, который обязан выполнить услуги качественно и в срок.

И, наконец, наиболее интересная, как нам представляется, классификация видов подотчетности обнаруживается в ходе когнитивного анализа научного дискурса анализируемого в нашем исследовании автора Роберта Бейна⁴⁹, который выделяет две стратегии подотчетности. Основа первой стратегии – субъективность. Она должна быть направлена на результативность (performance) и оценивать исполнение обязательств. Если говорить о том, как сам автор оценивает данную стратегию, то она желаемая, но крайне неэффективна. Бейн связывает это с отсутствием стандарта, со сложностью построения верных техник контроля. Как отмечалось выше, без контроля подотчетность просто не работает. Еще один минус подобной стратегии – отсутствие реального наказания, невозможность привлечения к ответственности по причине отсутствия стандартов. *Вывод:* желаемая, так как направлена на содержательный аспект подотчетности, невозможна в силу неэффективности и субъективности. Свои желания (hopes for performance) сложно определить в материальных и физических характеристиках, а автор акцентирует внимание на реальных практиках.

Вторая стратегия более сложная. Объективные стратегии прежде всего связаны со сферами законности и финансов (fairness and finances). Почему автор выбирает именно эти две сферы? Маркированная лексика представлена в изучаемом дискурсе такими единицами, как «правила, процедуры, стандарты» (rules, standards, procedures). Они объективны, легко операционализируются. И самое важное – именно они приводят к реальным последствиям, т.е. к наказанию. Мы легко можем привлечь людей за несоблюдение процедур и техник, которые задокументированы и объективны. *Вывод:* данная стратегия желаемая в силу простоты контроля и по причине реальности исполнения наказания (punishable). Ошибки в сфере подотчетности автор связывает с таким понятием, как «wrongdoer» (правонарушитель), а смысл всей системы взаимоотношений между принципалом и агентом все же сводится к тому, что мы действительно можем привлечь к ответственности, и мы действительно можем осуществить наказание за правонарушения.

Рассмотрев, таким образом, несколько авторских позиций на предмет различных видов подотчетности, позволим себе утверждать, что все эти

⁴⁹ См.: Behn R. Op. cit.

классификации вполне сводятся в одну. То есть все авторы, разделяя сферу отношений подотчетности, предлагают различные критерии, и производят сравнение на разных уровнях анализа. При этом каждый из авторов имплицитно (а иногда и эксплицитно) ссылается на другого, позволяя нам отыскать пересечения в их логике деления подотчетности по тем или иным признакам. Наше утверждение проиллюстрируем рисунком ниже (рис. 3).

Названия для видов подотчетности в данной классификации намеренно указаны условно во избежание путаницы, так как существующие определения подотчетности непосредственно коррелируются с определенными классификациями. Первый критерий – это акторы, которые участвуют в отношениях подотчетности, этот критерий является отправной точкой для дальнейшего определения остальных критериев и принципа их сортировки. Выбор агентов для анализа природы подотчетности уже влечет за собой некую предопределенность. То есть, говоря об электорате и избранных представителях, нам сложно очертить формальную сферу отношений. Выбор кандидатов – это русская рулетка. По сути, в условиях современной демократии нельзя точно агрегировать и вычислить, какие именно сегменты выступают электоральной базой того или иного кандидата, в свою очередь, участвующие в выборах не могут также гарантировать формальное исполнение всех ожиданий, которые они связывают с избранным кандидатом. Нельзя гарантировать исполнение обязательств после избрания, возможен только контроль *ex post facto*.

Акторы, участвующие в отношениях подотчетности	Электорат, выборные должности (делегаты)	Публичные должности, бюрократия
Сфера отношений	Политическая	Формально-правовая
Стратегии контроля	Субъективные стратегии	Объективные (агрессивные) стратегии
	Accountability 1	Accountability 2

Рис. 3.

Иными видятся отношения между избранными должностными лицами и бюрократией: бюрократия «живет» в формальной сфере, в рамках четкой иерархии и разделения полномочий, законы регулируют их полномочия, и они обязуются реализовывать эти полномочия только в рамках правового регулирования отношений. Здесь есть стандартизация и эффективность, исполнение тех или иных решений, принятых, например, в законодательном органе, имеет под собой обширную правовую базу. Совершенно очевидно, что критерий «акторов» относится к разделению подотчетности на электоральную и бюрократическую. И именно здесь акцент плавно смещается на сферу, в рамках которой реализуются механизмы контроля и подотчетности – сферу политическую или формально-правовую.

Здесь же мы отмечаем пересечение научных дискурсов различных авторов: С. Гейлмард утверждает, что Дж. Фиерджен подробно разработал идею электоральной подотчетности на основе политической⁵⁰. Оба автора также едины во мнении, что политическая подотчетность сводится к так называемым «moral hazard models»⁵¹. Отсюда политическая подотчетность – это механизм, затрагивающий этику поведения, контролируруемую общественным мнением в категориях одобрения или осуждения.

Итак, каковы же анализируемые стратегии контроля, которые используются для данных двух видов подотчетности?

Поскольку отношения в рамках политической подотчетности сводятся к неформальным отношениям, которые базируются на «совести» исполнения обещаний представителей и на субъективных ожиданиях электората, об их представлениях о качестве исполнения полномочий того или иного делегата, то, по сути, в терминах Бейна, они характеризуются как «subject – target – strategies». Подразумевается, что стандарт ожиданий выработать сложно, и почти невозможно определить формальные критерии привлечения к исполнению обязательств. Агрессивные же стратегии предполагают контроль за финансовой и правовой сферами, которые подчиняются логике бюрократического конструирования полномочий.

Таким образом, четко разграничив критерии, в ходе анализа мы выявили, что различные классификации подотчетности сводятся к одному и тому же полю приложения теоретического материала. Следовательно,

⁵⁰ Gailmard S. Op. cit.

⁵¹ Ibid.

определив один из критериев, можно легко провести упрощенную экстраполяцию и обнаружить сопутствующие критерии анализа природы отношений подотчетности. Это, в свою очередь, позволяет предположить, что на практике, в различных ситуациях, и агентам, и принципалам удобнее апеллировать к одной из вышеописанных моделей.

Понятия подотчетности, прозрачности и их связь с «good governance»

В современных подходах к исследованию государства, аспектах его функционирования, равно как и в исследованиях деятельности определенных институтов, понятие подотчетности (accountability) занимает, как мы убедительно доказали выше, значимое место. Ряд авторитетных исследователей обращаются к теме подотчетности, изучают эффекты, которые она вызывает, и последствия, к которым приводит⁵². Можно обратиться и к эмпирическим исследованиям или индексам, в которых понятие подотчетности упоминается или разбирается⁵³.

Считаем крайне важным в нашем исследовании однозначно очертить данное, на первый взгляд, банальное и очевидное разделение на академическую и исследовательскую плоскость, разделение, которое может трактоваться как искусственное, но в действительности имеет под собой серьезное основание в виде эмпирических исследований и академических разработок.

Сконцентрируемся на последних. Современные дискурсы, оперирующие понятием подотчетности, тем или иным образом связывают данный концепт с моделью функционирования государства, которая, в свою очередь, имеет непосредственное отношение либо к понятию правительства (government), либо к характеристикам управляемости (governance). Однако связи данных категорий с подотчетностью остаются неявными по

⁵² Carey J.M. Legislative Organization // The Oxford Handbook of Political Institutions. N.Y.: Oxford University Press, 2006. P. 431–453; Behn R.D. Rethinking democratic accountability. Washington: Brookings Institution Press, 2001.

⁵³ Достаточно интересным здесь можно найти *Opacity index* (Индекс непрозрачности), который разрабатывается Price Water House Coopers <http://www.pwc.fr/the_opacity_index1.html/>.

причине того, что само понятие подотчетности не имеет общепринятого определения⁵⁴.

Данный факт означает, что остается размытым один из важных концептов, детерминирующих понимание или анализ качества демократического управления (с теоретической или исследовательской точки зрения), одновременно являющийся инструментом реализации механизма сдержек между ветвями или институтами власти и, помимо этого, механизмом общественного контроля. Кроме того, подотчетность, как мы показали выше, начинает обрастать многочисленными дополнительными смыслами и характеристиками («формальная», «вертикальная» и т.п.). Третьим измерением проблемы становится то, что подотчетность как таковая, являясь «зонтичным» понятием, может одновременно описывать как само наличие механизма, позволяющего так или иначе влиять как на процессы политического управления⁵⁵, так и на качество и аспекты его функционирования.

Возвращаясь к вопросу об определении понятия «подотчетность», отметим, что непосредственно в английском языке термин «accountability», согласно Оксфордскому словарю (Oxford English Dictionary⁵⁶), впервые упоминается в 1374 г., а затем приобретает ряд смыслов, соотносящихся с политическим или управленческим измерением:

- способ правления, действия в рамках правления; факт, что кто-либо правит (управляет);
- манера, в которой что-либо управляется (*имеется в виду политическое правление*) или регулируется; метод правления;
- система регулятивных норм.

Анализируя данные определения, можно сделать вывод, что подотчетность содержит в себе два основных смысловых компонента: *характеристика* определенного института/системы/режима или *функция*. Первая будет подразумевать, например, что члены некоего парламента, избранные гражданами, несут перед ними ответственность, вторая же будет подразумевать наличие определенной процедуры, к примеру, строго регламентированное декларирование доходов теми же парламентариями.

⁵⁴ Здесь мы говорим о подотчетности в ее политическом и управленческом измерении. Данную проблему поднимал, например, Sinclair A. The chameleon of accountability: Forms and discourses // Accounting, Organizations and Society. 1995. No. 20 (2–3). P. 219–237.

⁵⁵ Здесь мы намеренно оставляем характер влияния неопределенным, чтобы не делать необоснованных выводов.

⁵⁶ Oxford English Dictionary. URL: <http://www.oed.com/> (дата обращения: 15.01.2014).

Важно отметить и *измерение формальности* тех или иных аспектов подотчетности. В странах с укоренившимися демократическими институтами ряд механизмов основан на традициях: час вопросов в парламенте Британии, безусловно, не может быть отнесен к разряду бездейственных; в мире можно найти и целый ряд других примеров, в которых формально закрепленные механизмы не выполняют свою функцию. В целом следует заключить, что функционирование системы подотчетности не зависит напрямую от степени ее формализации.

Важный момент, требующий отдельного внимания, касается факта, что понятие «accountability» в силу своего происхождения обязательно коррелируется с *исключительно формальными механизмами*. Достаточно для начала привести известную максиму «Only an accountant could catch Al Capone⁵⁷», указывающую на исключительно формальный подход в процессе поимки известного преступника.

Обращаясь к *функциональному* определению подотчетности, необходимо поставить вопрос, какой характер имеет эта функция – внешний или внутренний, т.е. реализуются ли эти механизмы внутри органа⁵⁸, либо тот, кому орган подотчетен, находится вне его структуры⁵⁹ (либо же подотчетность является внешним фактором).

Еще двумя важными характеристиками рассматриваемой категории⁶⁰ будут являться ее *системность*, что связывается с необходимостью ее формального закрепления, и *целенаправленность*, которая также может превращаться в рычаг управления рисками, стратегического планирования.

В русскоязычной политологии подотчетность, несмотря на ее близость по логическому смыслу к так называемому «чистому» термину «accountability», подразумевает, как правило, *формализацию процесса* и выстраивание классического диалога между избирателями (т.е. народом, источником власти) и избранными, коими являются не только члены парламентов, но и члены органов, назначаемых непосредственно избранными

⁵⁷ Williams P. To catch a thief // Internal Revenue Service. URL: http://daily.abcnews.com/_news/2008/02/21/4372156-to-catch-a-thief (дата обращения: 15.01.2014).

⁵⁸ Цит. по: Acar M., Guo C., Kaifeng Y. Accountability when hierarchical authority is absent: Views from public private partnership practitioners // American Review of Public Administration. 2008. No. 38 (1). P. 3–23.

⁵⁹ Mulgan R. Holding power to account: Accountability in modern democracies. L.: Palgrave Macmillan, 2003.

⁶⁰ Согласно концептуальной модели Ромзека и Дубника. Romzek B., Dubnick M. Accountability in the public sector: Lessons from the Challenger tragedy // Public Administration Review. 1987. No. 47 (3). P. 227–238.

ми, как, например, в случае с правительствами, назначаемыми президентом.

Во всем остальном сходные черты исследуемых концептов в двух языках выделить достаточно сложно, скорее, прослеживается очевидная негативная тенденция: уход от определения понятия, оперирование им без должной концептуализации, придание ему *функциональной компоненты* без последующей операционализации с учетом языковых и культурных особенностей⁶¹.

В попытке разрешить указанную проблему и «очистить» понятие от неверных смысловых интерпретаций первым значимым шагом представляется разделение подотчетности (accountability) от сходных, имеющих признаки семейного сходства понятий, к которым можно отнести такие как «answerability» (необходимость отвечать за действия⁶²), «responsiveness» (способность реагировать на определенные запросы), «responsibility» (ответственность за исполнение определенных должностных обязанностей), «liability» (определенного типа административная или уголовная ответственность за прямое нарушение обязанностей: данное определение в большей степени относится к сфере бюрократии, управления, либо в измерении политическом связано с потерей поддержки по причине невыполнения или нарушения определенных обязательств и, как правило, подразумевает снижение рейтинга политика или партии, «пятно» на репутации).

Рассмотрим два первых сходных понятия. «Answerability» традиционно переводится на русский язык как подотчетность или ответственность, но концептуализируется в работах иностранных авторов совершенно иначе, а именно подразумевает исполнение *внешней функции*, при которой тот гражданин или группа граждан, перед которыми нужно держать ответ, не входят в данный орган⁶³. Подобную систему на практике можно наблюдать в случае функционирования бюрократии, которая от-

⁶¹ В недавних публикациях операционализация термина предпринималась лишь в некоторых работах, хотя нам она кажется недостаточной. См., например: Афанасьева О.В. Прозрачность и подотчетность власти. Канадский урок // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 10. С. 108–118; Бусыгина И.М., Филиппов М.Г. Ограничить коррупцию: найти новых людей или изменить мотивации? // ПОЛИС. 2013. № 1. С. 50–71.

⁶² Flinders M. The Politics of Accountability in the Modern State. Aldershot: Ashgate, 2001.

⁶³ Mulgan R. Holding power to account: Accountability in modern democracies. L.: Palgrave Macmillan, 2003.

вечает как перед гражданами, так и перед органами власти. Таким образом, необходимость отвечать за свои действия подразумевает наличие *иерархической системы*, при этом граждане не наделяются особой властью по отношению к тем, кто перед ними отвечает. Данный концепт часто эквивалентен подотчетности при описании ее в терминах принципал-агентских отношений, о чем мы подробно говорили выше.

«Responsiveness» как способность реагировать на определенные запросы соотносится с подотчетностью только частично: во-первых, это означает, что граждане могут потребовать определенную информацию от тех чиновников или политиков, деятельность которых они хотят изучить, во-вторых, сам процесс реакции на определенные запросы может происходить «под угрозой» необходимости отвечать в случае потенциального отсутствия данной реакции в будущем. Так, следует заключить, что возможность реагирования далеко не всегда соотносится с системой подотчетности, так как последняя может и не подразумевать санкций за неисполнение определенных обязанностей, предоставление информации, реакции на запрос.

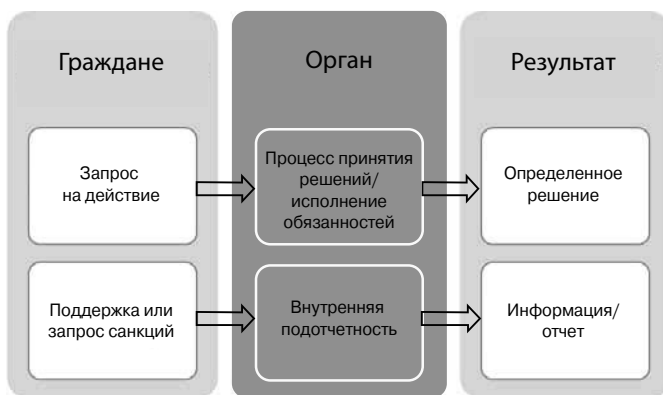

Рис. 4.

Наиболее наглядной моделью функционирования системы подотчетности является «черный ящик»⁶⁴ (рис. 4), где можно зафиксировать одно

⁶⁴ Мы намеренно упрощаем данную модель, в отличие от той, которая была представлена в работе Виллемса и Ван Доорена (Willems T., Van Dooren W. Lost in diffusion? How collaborative arrangements lead to an accountability // International Review of Administrative Sciences. 2011. No. 77. P. 509) по причине того, что предлагаемая авторами модель под-

из основных ограничений подотчетности – орган (или бюрократ) отчитывается за конечное действие, за результат, т.е. аспекты принятия решения могут исключаться из рассмотрения. В связи с этим утверждения многих авторов о том, что подотчетность является одним из важных условий функционирования демократического режима, несколько противоречиво, так как решение может быть принято недемократическим путем, с использованием неформальных или теневых механизмов.

Анализируя реальные практики функционирования государственных органов, следует отметить, что данная схема несколько усложняется, что наглядно иллюстрирует пример функционирования парламентов, в рамках деятельности которых процесс принятия решений отражается в системе подотчетности более одного раза (что соотносится, как правило, со стадиями законодательного процесса). Таким образом, центральная часть нашей модели дробится на ряд меньших «черных ящиков», что, тем не менее, не делает весь процесс принятия решений открытым и прозрачным.

Итак, мы постарались описать главные ограничения в понимании концепта подотчетности, что позволяет перейти к краткому аналитическому обзору современной ситуации и проблем, влияющих на применимость данного понятия сегодня.

Первой проблемой является изменение как самих функций государства⁶⁵, так и изменение подходов к исследованию аспектов его функционирования. От исследования статичных характеристик отдельного государства (а также политических систем) политическая наука перешла к сравнительным исследованиям, от исследования правительств – к исследованию управляемости. Как отмечалось, «управляемость затмила управление»⁶⁶. Параллельно этим процессам наблюдается активный рост деятельности международных неправительственных организаций, которые так или иначе способны оказывать влияние на определенные государства через механизмы глобального управления (global governance).

разумеает несколько идеалистичное (например, из-за наличия форума), на наш взгляд, видение подотчетности.

⁶⁵ Spruyt H. The origins, development, and possible decline of the modern state // Annual Review of Political Science. 2002. No. 5. P. 127–149; Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006.

⁶⁶ Jordan A., Wurzel K., Zito A. The Rise of ‘New’ Policy Instruments in Comparative Perspective: Has Governance Eclipsed Government? // Political Studies. 2005. Vol. 53. Issue 3. P. 477–496.

Кроме того, особую роль начинают играть частно-государственные партнерства⁶⁷ (PPP, public-private partnerships), которые, в связи с особенностями их собственной организации и накладываемыми ограничениями, размывают традиционное понимание подотчетности.

Таким образом, вместо традиционной государственной системы подотчетности, общую схему которой мы привели ранее (с сопутствующими атрибутами, например, так называемой «агрессивной подотчетностью», по Бейну⁶⁸), появляется новая система публичной огласки («naming and shaming»), имеющая качественно иной характер.

Устаревшая формальная система подотчетности, тем не менее, не была способна решать ряд задач, связанных с повышением качества государственного управления. Исходя из приведенной схемы, нетрудно сделать вывод, что механизм функционирования системы подотчетности позволял санкционировать органы или акторов за ненадлежащее выполнение обязанностей, но не способствовал предотвращению дальнейших нарушений, т.е. был сугубо реактивным. Система публичной огласки в этом смысле представляется более перспективной, так как в связи с расширением доступа к информации, развитием стандартов демократического управления она позволяет осуществлять *превентивные меры* по ограничению недобросовестного поведения политиков или бюрократов, тем самым начинает включать в себя механизмы, которые подразумевают возможность репутационных санкций (*liability* в ее политическом изменении).

Однако, говоря о внедрении данной системы, следует особо выделить три основных ограничения, которые она сама порождает. Первое ограничение накладывается самим характером частно-государственного партнерства, которое подразумевает отнесение ряда информации к *коммерческой тайне*, что в некоторых системах может позволить скрывать значительное количество важной информации, что, в свою очередь, подразумевает снижение *прозрачности*. Второе ограничение, лимитирующее потенциальные пределы применимости, является контекстозависимым и опирается на *этическую компоненту* деятельности политиков или бюрократов. В государствах, системы управления которых не подразумева-

⁶⁷ Willems T., Van Dooren W. Op. cit. P. 505.

⁶⁸ Имеется в виду система подотчетности, которая подразумевает санкции, наказания за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей (*punishment*), т.е. внедрение принципа ответственности (*responsibility* и *liability* в ее управленческом понимании).

ют существования или реального применения этических стандартов, система публичной огласки будет менее действенна. Третье ограничение подразумевает то, что реализация подотчетности также является *функцией системы* управления, исполнение которой требует *ресурсов* различного рода, что в условиях их ограниченности должно вести к их перераспределению. Таким образом, производительность бюрократии или органов власти может значительно снижаться. С другой стороны, система подотчетности в подобных партнерствах может соотноситься и с системами, функционирующими в бизнес-структурах, где она способна выполнять функции механизма *мониторинга*.

При этом возникает вопрос: соразмерно ли расширение систем подотчетности и существует ли спрос на информацию о деятельности рассматриваемых органов?

Так, в своей статье о легислатурах⁶⁹ Джон Кэри приводит пример о реализации системы фиксации результатов голосования (voterecord) на каждой из сессий законодательного органа. Данная система является одной из наиболее наглядных при контроле избирателями своих избранных представителей относительно соблюдения ими своих обещаний. Увидев, что избранный парламентарий поддерживает качественно другую позицию, нежели та, которая заявлялась в программе или предвыборных обещаниях, избиратели могут отозвать своего представителя. Но данный механизм для возможности своего функционирования требует наличия двух основных условий: наличия спроса на информацию (т.е. участия граждан) и наличия у парламентария *императивного типа мандата* и функционирующей *процедуры отзыва*.

На основе этого мы приходим к выводу, что реализация «новой» системы подотчетности влечет за собой ряд возможных негативных экстерналий, которые разрушают устоявшуюся (но недоказанную) взаимозависимость подотчетности и прозрачности, а также размывают круг лиц, которым данные органы или конкретные акторы подотчетны.

В ряде работ, посвященных вопросам подотчетности, утверждается, что подотчетность и прозрачность являются либо эквивалентными терминами, либо же первая является производной от второй. В данном случае используется аргументация, основанная на расширении доступа к информации (в том числе за счет развития информационных технологий и компьютеризации), появлении IV поколения прав человека (информа-

⁶⁹ Carey J.M. Op. cit.

ционные права)⁷⁰. Последующая аргументация⁷¹ основывается на резолюции Комиссии ООН по правам человека⁷², включившей прозрачность и подотчетность в составляющие качественного управления (good governance). Однако включение данных аспектов в документ еще не подразумевает наличия какой-либо строгой зависимости.

Так, говоря о прозрачности, следует выделить качественные характеристики информации (они также могут соотноситься с подотчетностью), которые Фокс определял как данные (data) и информация (information). Первые требуют дополнительного анализа, а также могут быть не особо информативными (либо же информация там может быть искажена) за счет фиксации нерепрезентативных показателей. Так, к примеру, показатель количества сессий парламента может мало отражать качество его деятельности. «Информация» же в логике Фокса способна дать исчерпывающее представление о деятельности определенного органа, что в дальнейшем способно тем или иным образом привести к требованию определенных санкций или запросов. Так, Лондреган⁷³ утверждает, что информация, созданная в процессе экспертизы законопроектов, является общественным благом, следовательно, доступ к ней способен повысить качество будущего законопроекта. Но расширение доступа к информации способно и негативно повлиять на скорость работы парламента, либо вообще парализовать принятие определенного решения. Следовательно, поставленный нами вопрос остается открытым: будет ли эта информация использоваться, и если да, то может ли она использоваться малыми группами для получения определенных предпочтений?

Расширение прозрачности, таким образом, необязательно может привести к росту и увеличению подотчетности, а в определенных случаях может выступить и в достаточно специфической роли – *механизма легитимации определенных злоупотреблений* (как это может быть в случае существования сугубо формальной и недейственной системы подотчетности). В некоторых случаях наличие избыточной информации может способствовать снижению общей производительности системы за счет

⁷⁰ Fox J. The Uncertain Relationship between Transparency and Accountability // Development in Practice. 2007. Vol. 17. No. 4/5. P. 663.

⁷¹ См., например: Афанасьева О.В. Указ. соч. С. 109.

⁷² Commission on Human Rights resolution 2000/64. The role of good governance in the promotion of human rights. URL: <http://www.refworld.org/docid/3b00f28414.html> (дара обращения: 15.01.2014).

⁷³ Londregan J. Legislative Institutions and Ideology in Chile. N.Y.: Cambridge University Press, 2001.

дисбаланса имеющихся ресурсов. Таким образом, при наличии развитой (формально) системы подотчетности, качество управления может оставаться невысоким (мифом о «good governance»), так как обилие предоставляемой информации будет мешать исполнению реальных дел, а отсутствие действенных механизмов и размытая ответственность – реализации санкционирования конкретных акторов за недобросовестное исполнение обязанностей.

Понятие «accountability» в системах государственного управления. Применимость «accountability» к современной российской системе управления

Язык – одно из отображений окружающей нас реальности. Видимые глазу явления внешнего мира, преломляясь через человеческое сознание, находят свою вторую жизнь в человеческой речи. Таким образом, язык позволяет нам понять некоторую часть действительности и то, как человеческий мозг преобразует эту действительность и ретранслирует ее. При этом нужно учитывать, что человеческое сознание формируется всю человеческую жизнь. Это означает, что в течение всего этого времени человеческий разум находится под воздействием множества факторов внешней среды, которая формирует сознание и, как следствие, язык.

Современный английский язык начал формироваться в XVI в.⁷⁴, что совпало с периодом Реформации. Протестантская этика, как назвал ее немецкий социолог М. Вебер⁷⁵, во многом соответствовала интересам быстро набиравшего обороты капитализма. Обновленная протестантским движением реальность не могла не повлиять на язык, особенно когда последний находился в стадии обретения себя. Более того, сама Реформация служила мощным толчком для развития национальных языков. Например, перевод Библии М. Лютером на немецкий язык⁷⁶, Михаэлем

⁷⁴ Cercignani F. Shakespeare's Works and Elizabethan Pronunciation. Oxford, Clarendon Press, 1981.

⁷⁵ Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 44–271.

⁷⁶ Лютер М., Курило О. Мартин Лютер – реформатор, проповедник, педагог. М.: РОУ, 1996.

Агриколой, первым лютеранским епископом Финляндии, составителем букваря финского языка⁷⁷, – на финский, Николаусом Раммом – на латышский⁷⁸, Мартинасом Мажвидасом, создателем литовского алфавита и основ чтения, – на литовский⁷⁹. Большой вклад в развитие чешского языка внес вождь Реформации в Чехии – Ян Гус⁸⁰. Очевидно, что во всех этих случаях прослеживается связь между развитием языка и реформистского движения. Во многом это было обусловлено прагматическими целями – переводом конкретных религиозных текстов, что позволило бы рекрутировать священнослужителей из граждан своего государства и стать таким образом независимыми от иерархии Ватикана. Возвращаясь к зарождающемуся современному английскому языку, стоит отметить, что язык, являясь в определенном смысле живым организмом, впитывал в себя дух времени, т.е. дух Реформации, дух стяжательства, дух капитализма и власти денег. Следовательно, современный английский язык невольно становился исполненным прагматизма, рационализма, т.е. языком, удобным для дельцов, понятным для них на интуитивном уровне.

Представленное масштабное исследование, каким оно видится его авторам, посвящено изучению не столько лексического понятия, сколько большой политологической категории «accountability». Решение выделить именно данную категорию объясняется тем, что концепт «accountability» вбирает в себя намного больше, чем лексическая единица как таковая. В политической науке объект изучения является системой контроля над кем-либо или чем-либо (над институтом власти, бюрократическим аппаратом, должностным лицом и т.д.).

Слово *accountability* содержит в себе морфему *count*, что вызывает очевидные коннотации с подсчетом, прежде всего, в числовом формате. Исторический экскурс показывает, что *accountability* уходит корнями в латынь. Концепт «account-giving» широко применялся ростовщиками

⁷⁷ Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий / ред. Т. Вихавайнен. Хельсинки: Общество финской литературы, 2004.

⁷⁸ Исследование стран Балтии. Терминологический словарь / сост. и ред. А. Дубасова. URL: <http://www.genlingnw.ru/Staff/Dubasava/hist.htm#пиюлл> (дата обращения: 04.12.2013).

⁷⁹ Топоров В.Н. Начало литовской письменности. Мартинас Мажвидас в контексте времени (К 450-летию со дня выхода в свет первой литовской книги). М.: Baltoslankos, 2001.

⁸⁰ Милош Кратохвил. Ян Гус. М.: Молодая гвардия, 1959.

Римской Империи⁸¹, т.е. имел прямое отношение к экономике, а именно к сфере долговых обязательств. «Accountability» в данном контексте – денежная зависимость, обязательная для исполнения и погашения. Аналогии данного понятия можно найти в Древних Израиле⁸², Вавилоне⁸³, Египте⁸⁴, Греции⁸⁵. Римляне использовали понятие «putare» (to reckon), которое трансформировалось в «computare» (to calculate), эволюционировавшее в свою очередь в *acomptare* (to account). Производные от «account» также имеют связь с экономической сферой: «accountant» – бухгалтер, «accountancy» – бухгалтерское дело.

В Англии понятие «accountability» появилось при норманнском владычестве^{86, 87}. Продолжая рассуждение о связи «accountability» и экономики, стоит обратить внимание на теорию «бандита-гастролера» и «оседлого бандита» М. Олсона⁸⁸. Согласно идее М. Олсона, норманны – это бандиты-гастролеры. Вторгаясь в Англию, они грабили местное население, увозя все ценное, что могли найти. Так происходило лишь на начальном этапе. В дальнейшем часть кочующих бандитов предпочтет обосноваться на определенной территории. Их перестанет интересовать периодический, отчасти случайный доход, получаемый от грабежей. Оседлые бандиты выбирают постоянный доход, предоставляя взамен защиту от своих бывших «коллег» – кочующих бандитов. Похожую ситуацию можно было наблюдать в России 90-х годов. Криминальные структуры предоставляли защиту – «крышу» – от других криминальных структур. И в том, и в другом случае бандиты требовали платы за свои услуги.

⁸¹ Plescia J. Judicial Accountability and Immunity in Roman Law // *American Journal of Legal History*. 2001. Vol. 45. No. 1. P. 51–70.

⁸² Walzer M. *The Legal Codes of Ancient Israel* // *The Rule of Law*. N.Y.: New York University Press, 1994. P. 101–119.

⁸³ Urch E.J. *The Law Code of Hammurabi* // *American Bar Association Journal*. 1929. No. 15 (7). P. 437–441.

⁸⁴ Ezzamel M. *Accounting, Control and Accountability: Preliminary Evidence from Ancient Egypt* // *Critical Perspectives on Accounting*. 1997. No. 8 (6). P. 563–601.

⁸⁵ Roberts J. *Accountability in Athenian Government*. Madison: University of Wisconsin Press, 1992.

⁸⁶ Dubnick M. *Clarifying Accountability: An Ethical Theory Framework* // *Public Sector Ethics: Finding And Implementing Values*. Leichhardt: The Federation Press / Routledge, 1998. P. 68–81.

⁸⁷ Seidman G. *The Origins of Accountability: Everything I Know About the Sovereign's Immunity, I Learned from King Henry III* // *St. Louis University Law Journal*. 2005. No. 49 (2). P. 393–480.

⁸⁸ Олсон М. *Власть и Процветание: перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры*. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2007.

На криминальном сленге 90-х сделать кого-то своим заемщиком и дать должнику время на выплату, но уже с процентами, звучало как «поставить на счетчик⁸⁹». Норманны плавали на дальние расстояния, охватывая большую часть побережья Европейского континента. Еще до завоевания Англии норманны успели повластвовать в Южной Италии, куда из Северной Италии и центров мировой торговли того времени приходили познания об экономике, торговле, банковском деле. Норманны могли знать о таком инструменте ростовщиков, как «постановка на счетчик». Захватывая новые территории, норманны обещали пощадить тех, кто не погиб в боях и во время разграбления, но взамен «ставили на счетчик» покоренный регион, обещая вернуться за причитающимся. Британские острова были одним из регионов, постоянно подвергавшихся атакам скандинавских воителей, поэтому можно предположить, что выражение «take into account» пришло в английский язык именно в значении «поставить на счетчик». В современном языке «take into account» значит «иметь в виду», «учитывать», «взять в расчет», «принять во внимание». Но в английском языке также есть понятие «take into consideration» – «принять во внимание», которое происходит от глагола «consider» со значением «обдумывать», «полагать», «рассматривать». То есть «take into consideration», если рассматривать буквальный перевод, означает «принять к сведению», «взять к сведению», «взять на обдумывание», что релевантнее и ближе к точному переводу – «принять во внимание», чем «take into account», в которое заложены такие смыслы, как математический счет, ведение бухгалтерии, ростовщический расчет.

Итак, западная цивилизация породила понятие «accountability» как ответственность, подотчетность, регулируемая путем экономических, материальных санкций. Получив такой инструмент контроля, европейская цивилизация перенесла практики «accountability» на процесс государственного управления, что стало одной из основ другого изобретения Старого света – рациональной бюрократии.

Бюрократии во всем мире болеют одними и теми же болезнями – склонностью к разрастанию, излишней формализацией, подменой государственных интересов своими личностными, созданием административных барьеров для вымогательства взяток. Протестантская Европа, победившая церковный бюрократизм Ватикана, не могла примириться с таким положением дел. В качестве превентивных мер европейцы могли

⁸⁹ Блатной словарь «воровского жаргона» и сленговых выражений [Электронный ресурс]. URL: <http://aprioru.narod.ru/slovar.html> (дата обращения: 04.12.2013).

использовать «accountability») как инструмент взыскания экономических санкций с нерадивых бюрократов, тем самым делая издержки от мздоимства последних настолько высокими, что взяточничество, как минимум, низшего и среднего уровня бюрократии, становилось крайне невыгодным.

Помимо рациональной (западной) бюрократии М. Вебер выделял патримониальную (иррациональную восточную) бюрократию⁹⁰. В отличие от европейской в восточной модели система контроля строилась не на экономических санкциях, а на отношении высшего властителя (власть должна быть именно высшей, так как в патримониальных системах либо ты – Сын Неба и Отец своего Народа, либо ты – не правитель вовсе) к чиновнику, а именно на степени той государевой милости, на которую мог рассчитывать чиновник. Например, в Китае путь «благородного мужа» к вершинам чиновничьей пирамиды был трудным и долгим, но сопровождался сопутствующим ростом приближенности к императору, что, в свою очередь, поднимало на все более высокое положение в обществе. Поэтому для китайского чиновника самым страшным наказанием была потеря ранга, с которой утрачивались и приближенность к правителю, и статус. Обычно подобное наказание сопровождалось ссылкой в отдаленные регионы государства, что также несло в себе символический характер – удаление от Светила, источающего все блага, и исключение из властной системы всех, кто мог запятнать лучезарный ореол правителя-полубога.

Помимо бюрократии, Западная цивилизация рационализовала и высшую политическую власть. В Европе со временем все должностные позиции во власти стали выборными. Монархи Старого света утратили реальную власть. Новые высшие должностные лица попали под «accountability», так как народ был заинтересован в том, чтобы избранный представитель в парламенте или даже высшее должностное лицо (президент, премьер-министр) зависел от него не только во время избирательной кампании, проводимой через продолжительные временные периоды, но и был подотчетен постоянно. Поэтому в европейских политических системах является нормой ограничение деятельности избранных властей рамками их должности. Помимо исполнения прямых обязанностей, часто допускается заниматься только творческой и профес-

⁹⁰ Вебер М. Хозяйство и общество // Электронная библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/veber/tip_gosp.php (дата обращения: 04.12.2013).

сиональной деятельностью⁹¹. Отчасти это объясняется опасениями в лоббизме, но здесь есть и компонент «accountability», поскольку единственным постоянным доходом для избранного должностного лица будет государственное жалование, от которого он будет зависим. Отставка или импичмент грозят потерей дохода как минимум до момента начала следующего электорального цикла, помимо этого возможны и прямые экономические санкции – штрафы. Также понятие «accountability» нашло свое выражение в декларировании доходов и расходов. На Западе контроль над материальными благами показал себя как эффективная форма контроля властей.

Вышесказанное доказывает, что в рациональной системе государственного управления подотчетна может быть вся иерархия, от высших должностных лиц до последнего бюрократа. В основе восточной иррациональной системы лежит подотчетность чиновника высшей персонифицированной власти. В данном случае встает вопрос о подотчетности самой высшей власти в патримониальной системе. В Китае император как Сын Неба был подотчетным Небу, т.е. каким-то неземным, наивысшим силам. На земле никто не в силах спросить с императора за его действия. До определенного момента народ мог быть удовлетворен объяснением в подотчетности только перед неземным высшим существом. Патримониальный характер обычно сочетается с парохийальной и подданнической культурой населения⁹², у которого не могло возникнуть мысли о подотчетности высшей власти перед рядовыми гражданами.

Здесь представляется интересным вновь обратиться к работам М. Вебера и его концепции о трех типах легитимности – традиционной, харизматической и рационально-легальной^{93,94}. В патримониальной системе лидер наделен традиционной или харизматической легитимностью. Самые яркие примеры лидеров такого типа – Моисей (яркий харизматический лидер, которого выделял сам М. Вебер) и племенные вожди североамериканских индейцев. Стоит отметить, что такие лидеры не обла-

⁹¹ Конституция РФ. Гл. 5. Ст. 97, п. 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-7.htm> (дата обращения: 04.12.2013).

⁹² Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильная демократия // Политические исследования. 1992. № 4.

⁹³ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Электронная библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/vebizbr/08.php (дата обращения: 04.12.2013).

⁹⁴ Вебер М. Хозяйство и общество // Электронная библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/veber/tip_gosp.php (дата обращения: 04.12.2013).

гались экономическими санкциями. Так, еврейский народ мог лишь *роптать* на Моисея и его Бога, а племенные вожди, если и делились провизией, например, то это было не столько для легитимации власти через символический обряд, сколько для выживаемости племени. Хотя в Великобритании, где очень сильны традиции в период перехода к рационально-легальной легитимности всей системы, но с сохранением монархии, суверен был поставлен в финансовую зависимость от парламента, поскольку последний получил право каждые 10 лет определять сумму на расходы монарха в стране⁹⁵.

Что касается современной России, то нынешняя государственная система расположена ближе к патримониальной модели. При этом нельзя отрицать наличия институтов, присущих рациональной системе. После распада СССР Россия импортировала институты западного образца, которые, увы, не функционируют должным образом. Правление В.В. Путина является примером рационально-легального типа лидерства, поскольку В.В. Путин был избран президентом демократическим и законным путем посредством регламентированной процедуры выборов. Что касается бюрократии, включая чиновников самого высокого ранга, то здесь прослеживаются патримониальные черты. Например, громкое дело «Оборонсервиса» показало, что рациональный компонент не присущ российской государственной системе, поскольку обвинение по статье «халатность», предъявленное А.Э. Сердюкову с максимальной экономической санкцией, равной 120 тыс.⁹⁶ рублям при ущербе в 56 млн руб.⁹⁷, нельзя назвать рационально-оцененным. При этом А.Э. Сердюков, находясь под следствием, получил назначение на новую должность, которая ниже по статусу, но все же сохраняет бывшего министра обороны в системе власти, пусть и отдаленно от президента. Данный кейс является ярким примером патримониализма российской государственной системы, когда наказания за материальный ущерб государству бюрократами не компенсируют суммы ущерба. Редкие примеры рациональной подотчетности являются показательными и затрагивают лишь должностных лиц, занимав-

⁹⁵ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/112148/%D0%A6%D0%B8%D0%B2%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9 (дата обращения: 04.12.2013).

⁹⁶ Уголовный кодекс РФ. Гл. 30. Ст. 293. Ч. 1 [Электронный ресурс] // Кодексы и законы РФ. Правовая навигационная система. URL: <http://www.zakonrf.info/uk/293/> (дата обращения: 04.12.2013).

⁹⁷ Анастасия Сердюкова обвинили и отпустили [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2362940> (дата обращения: 04.12.2013).

ших незначительные позиции или неугодных системе. В последнем случае крупная экономическая санкция является лишь способом давления на элемент государственной системы, который по каким-то причинам (уход в оппозицию, оппортунизм) становится враждебным системе, и, как следствие, из нее исключается.

Итак, данное исследование показало, что понятие «accountability» несет в себе рациональный компонент, унаследованный от римских ростовщиков и усиленный в эпоху Реформации. «Accountability» работает в условиях западных рационально-легальных государственных систем, предусматривающих четкую структуру формальных институтов, включая институты экономических санкций и процедур их исполнения. В России, где, прежде всего, система исполнения экономических санкций для бюрократов и должностных лиц работает неэффективно и избирательно, использовать понятие «accountability» вряд ли актуально, поскольку в российской системе подотчетности слабо развит рациональный компонент. Данное понятие («accountability») сможет войти в российский лексикон при двух условиях: 1) либо российская система начнет меняться в сторону рационализации своего функционирования, 2) либо потребуется вводить понятие в расширенном смысле, жертвуя содержанием концепта ради расширения кейсов для его применения.

В заключение заметим, что нет смысла отрицать, а, напротив, следует признать активное влияние языка на моделирование существующей реальности. В случае осуществления не первого варианта импорта концепта «accountability» в Россию (рационализация государственной системы управления), а второго, есть большая вероятность, что при использовании в политико-управленческом лексиконе понятий качественно более высокого порядка российская государственная система сама начнет меняться в лучшую, перспективную сторону.

Библиография

1. Acar M., Guo C., Kaifeng Y. Accountability when hierarchical authority is absent: Views from public private partnership practitioners // *American Review of Public Administration*. 2008. No. 38 (1). P. 3–23.
2. Adsera A., Boix C., Payne M. Are You Being Served? Political Accountability and Quality of Government // *The Journal of Law, Economics and Organization*. 2003. Vol. 19. No. 2.

3. Ashworth S. Electoral accountability: recant theoretical and empirical work // Annual review of political science. 2012. Vol. 15.
4. Baker M. In Other Words: A Coursebook on Translation. L.; N.Y.: Routledge, 1992.
5. Behn R.B. Rethinking Democratic Accountability. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2001.
6. Bell R.T. Translation and translating theory and practice. L.; N.Y., 1991.
7. Bovens M. Two concepts of accountability // «Researchgate». URL: <http://www2.ku.edu/~kupa/kettering/pdfs/Bovens.pdf> (дата обращения: 15.01.2014).
8. Buysens E. 1943: Les langages et le discours: Essais de linguistique fonctionnelle dans le cadre de la sémiologie. Bruxelles: Office de Publicité.
9. Carey J.M. Legislative Organization // The Oxford Handbook of Political Institutions. N.Y.: Oxford University Press, 2006. P. 431–453.
10. Cercignani F. Shakespeare's Works and Elizabethan Pronunciation. Oxford, Clarendon Press, 1981.
11. Chilton P., Ilyin M. Metaphors in Political Discourse: the Case of the «Common European House» // Discourse and Society. 1993. Vol. 4. No. 1.
12. Chilton P. Orwellian Language and the Media. L., 1988.
13. Chilton P. Security Metaphors: Cold War Discourse from Containment to Common House. N.Y.: Peter Lang, 1996.
14. Chilton P. (ed.) Words, Discourse and Metaphors: The Meanings of *deter*, *deterrent*, and *deterrence*. Language and the Nuclear Arms Debate. L.: Pinter, 1985.
15. Chilton P., Ilyin M., Mey J. (eds.) 1998: Political Discourse in Transition in Europe 1989–1991. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
16. Commission on Human Rights resolution 2000/64 .The role of good governance in the promotion of human rights. URL: <http://www.refworld.org/docid/3b00f28414.html> (дата обращения: 15.01.2014).
17. Dijk T. van. Ideology: A Multidisciplinary Approach. L., Sage, 1998.
18. Dijk T.A. van (ed.) Handbook of Discourse Analysis. L., 1985.
19. Dijk T.A. van Studies in the Pragmatics of Discourse. The Hague, 1985.
20. Dijk T.A. van, Kintsch W. Strategies of Discourse Comprehension. N.Y., 1983.
21. Dubnick M. Clarifying Accountability: An Ethical Theory Framework // Public Sector Ethics: Finding And Implementing Values. Leichhardt: The Federation Press / Routledge, 1998. P. 68–81.
22. Ezzamel M. Accounting, Control and Accountability: Preliminary Evidence from Ancient Egypt // Critical Perspectives on Accounting. 1997. No. 8 (6). P. 563–601.

23. Fawcett P. Linguistic approaches // *Encyclopedia of Translation Studies* / ed. by M. Baker. L.; N.Y.: Routledge, 1998.
24. Ferejohn J. Accountability in a global context // *Global Administrative Law Series. IILJ Working Paper 2007/5*. URL: <http://iilj.org/publications/documents/20075>. GAL. Ferejohn.web.pdf (дата обращения: 15.01.2014).
25. Flinders M. *The Politics of Accountability in the Modern State*. Aldershot: Ashgate, 2001.
26. Fox J. The Uncertain Relationship between Transparency and Accountability // *Development in Practice*. 2007. Vol. 17. No. 4/5. P. 663.
27. Further Understanding Accountability in Public Organizations: Actionable Knowledge and the Structure – Agency Duality // *Administration & Society*. 2001. P. 255–289.
28. Gailmard S. Accountability and principal-agent models // *The Oxford handbook of public accountability* / M. Bovens, R.E. Goodin, T. Schillemans (eds.). Oxford University Press: 2013. URL: <http://www.law.berkeley.edu/files/cslls/Gailmard-AccountabilityandPrincipal-AgentModels%281%29.pdf> (дата обращения: 15.01.2014).
29. Geis M.L. *The Language of Politics*. N.Y. etc.: Springer Verlag, 1987.
30. Giordano R., Tommasino P. *Public Sector Efficiency and Political Culture* // *Working Papers of Italian Bank*. 2011. No. 786.
31. Givon T. (ed.) *Syntax and Semantics*. Vol. 12. *Discourse and Syntax*, 1979.
32. Halliday M.A.K. *Language as social semiotic. The social interpretation of language and meaning*. L., 1978.
33. Halliday M.A.K., McIntosh A., Stevens P. *The linguistic sciences and language teaching*. L.: Longmans, 1964.
34. Harris Z. *Discourse Analysis*. «Language». No. 1.
35. Hatim B., Mason I. *Discourse and the translator*. L.; N.Y.: Longman, 1994.
36. Hoey M., Houghton D. Contrastive analysis and translation // *Encyclopedia of Translation Studies* / M. Baker (ed.). L.; N.Y.: Routledge, 1998. P. 45–49.
37. House J. Quality of translation // *Encyclopedia of Translation Studies* / M. Baker (ed.). L.; N.Y.: Routledge, 1998. P. 197–200.
38. Jones J., Wareing Sh. *Language and politics. Language, Society and Power*. L., N.Y., 1999.
39. Jordan A., Wurzel K., Zito A. The Rise of ‘New’ Policy Instruments in Comparative Perspective: Has Governance Eclipsed Government? // *Political Studies*. 2005. Vol. 53. Issue 3. P. 477–496.
40. Kenny D. Corpora in translation studies // *Encyclopedia of translation studies*. L.; N.Y.: Routledge, 1998. P. 51–53.

41. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
42. Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
43. Lasswell H.D. *Language of Politics. Studies in Quantitative Semantics*. Camb. (Mass.): MIT Press, 1949.
44. Londregan J. *Legislative Institutions and Ideology in Chile*. N.Y.: Cambridge University Press, 2001.
45. Lupia A., McCubbins M.D. *Designing Bureaucratic Accountability // Law and Contemporary Problems*. 1994. Vol. 57 (1). P. 91–94.
46. Mey J. *The Pragmatics of Transition / P. Chilton, J. Mey, M. Ilyin (eds.). Political Discourse in Transition in Europe 1989–1991*. Amsterdam, Philadelphia, 1998.
47. Mogens H. *The Athenian Democracy in the Age of Demosthenes*. Oklahoma University Press, 1991.
48. Mulgan R. *Holding power to account: Accountability in modern democracies*. L.: Palgrave Macmillan, 2003.
49. Mulgan R. 'Accountability': An ever-expanding concept? // *Public Administration*. 2000. Vol. 78 (3). P. 555–573.
50. Mulgan R. *The processes of public accountability // Australian Journal of Public Administration*. 1997. Vol. 56 (1). P. 25–36.
51. Parsons T. *Societies. Evolutionary and Comparative Perspective*. Englewood Cliffs, 1966.
52. Peirce Ch.S. *Grammatica Speculativa. Collected Papers*. Vol. 2. Camb. (Mass.), 1960.
53. Plescia J. *Judicial Accountability and Immunity in Roman Law // American Journal of Legal History*. 2001. Vol. 45. No. 1. P. 51–70.
54. Pocock J.G.A. *Politics, Language and Time: Essays on Political Thought and History*. N.Y.: Atheneum, 1971.
55. Pocock J.G.A. *Verbalizing a Political Act: Toward a Politics of Speech // Political Theory*. Vol. 1. No. 1.
56. Pocock J.G.A. *Texts as Events: Reflections on the History of Political Thought / K. Sharpe, S.N. Zwickler (eds.). Politics of Discourse: The Literature and History of 17th-century England*. Berkeley (Cal.): University of California Press, 1987.
57. *Political accountability: Law and legal definition // «US Legal» URL: <http://definitions.uslegal.com/p/political-accountability/> (дата обращения: 15.01.2014)*.
58. Rahn W., Rudolph T. *A Tale of Political Trust in American Cities // Public Opinion*. 2005. No. 69 (4). P. 530–560.

59. Rhys A. Exploring the Impact of Community and Organizational Social Capital on Government Performance: Evidence from England // *Political Research Quarterly*. 2011. No. 64 (4). P. 938–949.

60. Roberts J. *Accountability in Athenian Government*. Madison: University of Wisconsin Press, 1992.

61. Romzek B., Dubnick M. Accountability in the public sector: Lessons from the Challenger tragedy // *Public Administration Review*. 1987. No. 47 (3). P. 227–238.

62. Sartori. Concept Misformation in Comparative Politics // *American Political Science Review*. 1970. No. 4.

63. Saussure F. de. *Cours de linguistique générale*. P., 1972.

64. Seidel G. Political discourse analysis // *Handbook of Discourse Analysis* / T. Dijk van (ed.). L.: 1985. Vol. 4.

65. Seidman G. The Origins of Accountability: Everything I Know About the Sovereign's Immunity, I Learned from King Henry III // *St. Louis University Law Journal*. 2005. No. 49 (2). P. 393–480.

66. Seriot P. *Analyse du discours politique sovietique*. P.: Institut d'études slaves, 1985.

67. Sinclair A. The chameleon of accountability: Forms and discourses // *Accounting, Organizations and Society*. 1995. No. 20 (2–3). P. 219–237.

68. Spruyt H. The origins, development, and possible decline of the modern state // *Annual Review of Political Science*. 2002. No. 5. P. 127–149.

69. Thom F. *La langue de bois*. P., 1987.

70. UNICEF Dictionary [Электронный ресурс] // UNICEF. URL: <http://www.answers.com/topic/accountability> (дата обращения: 15.01.2014).

71. Urch E.J. The Law Code of Hammurabi // *American Bar Association Journal*. 1929. No. 15 (7). P. 437–441.

72. Walzer M. *The Legal Codes of Ancient Israel* // *The Rule of Law*. N.Y.: New York University Press, 1994. P. 101–119.

73. Welby V. *Significies and Language*. L., 1911.

74. Willems T., Van Dooren W. Lost in diffusion? How collaborative arrangements lead to an accountability // *International Review of Administrative Sciences*. 2011. No. 77. P. 509.

75. Williams P. To catch a thief // Internal Revenue Service. URL: http://daily.abcnews.com/_news/2008/02/21/4372156-to-catch-a-thief (дата обращения: 15.01.2014).

76. Wodak R., Kirsch F.P. (eds.) *Totalitäre Sprache – langue de bois – language of dictatorship*. Wien, 1995.

77. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильная демократия // Политические исследования. 1992. № 4.

78. Анатолия Сердюкова обвинили и отпустили. [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2362940> (дата обращения: 04.12.2013).

79. Афанасьева О.В. Прозрачность и подотчетность власти. Канадский урок // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 10. С. 108–118.

80. Беседа с Юрием Сергеевичем Степановым // Политическая наука. 2002. № 3.

81. Блатной словарь «воровского жаргона» и сленговых выражений [Электронный ресурс]. URL: <http://apriou.narod.ru/slovar.html> (дата обращения: 04.12.2013).

82. Бусыгина И.М., Филиппов М.Г. Ограничить коррупцию: найти новых людей или изменить мотивации? // ПОЛИС. Политические исследования. 2013. № 1. С. 50–71.

83. Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 44–271.

84. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Электронная библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/vebizbr/08.php (дата обращения: 04.12.2013).

85. Вебер М. Хозяйство и общество // Электронная библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/veber/tip_gosp.php (дата обращения: 04.12.2013).

86. Вебер М. Хозяйство и общество // Электронная библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/veber/tip_gosp.php (дата обращения: 04.12.2013).

87. Гаврилова М.В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В.В. Путина и Б.Н. Ельцина). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004.

88. Дейк Т.А. ван. Язык, познание, коммуникация. М.: Прогресс, 1989.

89. Ильин М.В. Феномен политического времени // Полис. 2005. № 3.

90. Ильин М.В. Между словами и смыслами. Основания концепт анализа // Принципы и направления политических исследований. М., 2002.

91. Ильина Н.А. Геогностика сквозь призму языка. М.: МГУ, 1994.

92. Исследование стран Балтии. Терминологический словарь / сост. и ред. А. Дубасова. URL: <http://www.genlingnw.ru/Staff/Dubasava/hist.htm#полл> (дата обращения: 04.12.2013).

93. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002.

94. Климова И.И. Дискурс и его истоки. М., 2000.
95. Конституция РФ. Гл. 5. Ст. 97, п. 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-7.htm> (дата обращения: 04.12.2013).
96. Кратохвил М. Ян Гус. М.: Молодая гвардия, 1959.
97. Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006.
98. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность. М., 2000.
99. Лютнер М., Курило О. Мартин Лютер – реформатор, проповедник, педагог. М.: РОУ, 1996.
100. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.
101. Миловидов В.А. От семиотики текста к семиотике дискурса. Тверь, 2000.
102. Олсон М. Власть и Процветание: перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2007.
103. Пирс Ч.С. Логические основания теории знаков. СПб., 2000.
104. Политика. Толковый словарь / под общ. ред. И.М. Осадчей. М.: ИНФРА-М, 2001.
105. Проблема взаимоотношений принципала и агента // Олейник А.Н. Институциональная экономика. М.: Инфра-М, 2002. С. 265.
106. Пропп В.Я. Морфология сказки. Л., 1928.
107. Пути к пониманию. Вып. 1, 2, М.: СКЗМ, Внешторгиздат, 1989.
108. Русакова О.Ф. (ред.) Многообразие политического дискурса. Екатеринбург: ИфиП УрО РАН, 2004.
109. Сартори. Искажение понятий в сравнительной политологии. // Полис. 2003. № 3–5.
110. Серио П. Анализ дискурса во Французской школе: дискурс и интердискурс // Семиотика. Антология. М., 2001.
111. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933.
112. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
113. Степанов Ю.С. Семиотика. Антология. 1-е изд. М., 1983 (2-е изд. М., 2001).
114. Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998.
115. Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий / ред. Т. Вихавайнен. Хельсинки: Общество финской литературы, 2004.
116. Томашевская К.В. Лексическая составляющая экономического дискурса современности. СПб., 2000.
117. Топоров В.Н. Начало литовской письменности. Мартинас Мажвидас в контексте времени (К 450-летию со дня выхода в свет первой литовской книги). М.: Baltoslankos, 2001.

118. Уголовный кодекс РФ. Гл. 30. Ст. 293. Ч. 1 [Электронный ресурс] // Кодексы и законы РФ. Правовая навигационная система. URL: <http://www.zakonrf.info/uk/293/> (дата обращения: 04.12.2013).

119. Французская семиотика. От структурализма к постструктурализму. М., 2000.

120. Чернявская В.Е. Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. СПб., 2001.

121. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000 (2-е изд. М., 2004).

122. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [Электронный ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/112148/%D0%A6%D0%B8%D0%B2%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9 (дата обращения: 04.12.2013).

The Concept of Accountability in the English and Russian Political Discourses [Text] : Working paper WP14/2014/06 / M. V. Ilyin, I. V. Ubozhenko, A. N. Vorobyev, E. A. Ivanov, A. A. Poretskova, A. V. Samorodova / ed. by I. V. Ubozhenko ; National Research University Higher School of Economics. – Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. (Series WP14 «Political Theory and Political Analysis»). – 64 p. – 150 copies. (In Russian.)

The presented working paper is based on the results of the interdisciplinary project aimed at working out the sustainable skills of the parallel analysis of modern political terminology.

The research comprises studying the key essential cores of the political science notion system in the Russian and English languages and covers the terms and concepts connected with the following fields of politics: state, government and governance, accountability.

On the base of bilingual materials (originals and their translations), which were to be examined by our academic research group members, the following objectives have been achieved:

- the primary lexicographical description of the terminology touching the highlighted subject fields;

- the political analysis of their notion system;
- the comparative analysis of the results of the previous two stages.

Achieving these goals allowed us to:

- create systematical and parallel bilingual glossaries;
- develop integrated bilingual thesauri for the examined subject fields.

The Project gave its members the chance to:

- develop and master their linguistic skills in both languages;
- deepen the knowledge of political terminology (also in both languages);
- improve the skills of linguistic analysis by comparing linguistic units functioning in the Russian and English languages, that require adequate interpreting and (re)defining, depending on their contextual actualization.

Keywords: discourse analysis, accountability, responsibility, political linguistics, translation.

This study (research grant No 13-05-0046) was supported by The National Research University Higher School of Economics' Academic Fund Program in 2013.

Препринт WP14/2014/06

Серия WP14

*Политическая теория
и политический анализ*

Ильин М.В., Убоженко И.В., Воробьев А.Н., Иванов Е.А.,
Порецкова А.А., Самородова А.В.
(под общей редакцией И.В. Убоженко)

**Концепт подотчетности в английских
и русских политических дискурсах**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 4
Усл. печ. л. 3,8. Заказ № . Изд. № 1912

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»